

Роман Булгар

Офицеры

У края

Книга вторая

Роман Булгар

Офицеры. Книга вторая. У края

«Издательские решения»

Булгар Р.

Офицеры. Книга вторая. У края / Р. Булгар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749779-8

Трилогия «Офицеры» повествуют о самых простых людях, которые живут и ходят рядом с нами. Книга об армии, взгляд на нее, на ее проблемы изнутри глазами тех, кто на своих плечах выносил все тяготы и лишения воинской службы, тех, кто не шагнул легко по ступенькам служебной лестницы, движимый вверх всемогущими членами особой военной касты.

ISBN 978-5-44-749779-8

© Булгар Р.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава первая	14
1	14
2	20
3	26
4	34
5	41
Глава вторая	51
1	51
2	58
3	65
4	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Офицеры Книга вторая. У края Роман Булгар

© Роман Булгар, 2016

© Издательство «Отечество», дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Во время работы над книгой второй «У края» трилогии «Офицеры» мне не пришлось ничего выдумать и сочинять.

Все действующие лица, события и факты имели место в реальной жизни. Мне оставалось лишь собрать всех героев вместе, поменяв им, естественно, имена и фамилии и неразрывно связав их между собой.

Книга «У края» привлекательна для тех, у кого есть желание постичь внутреннюю «кухню» армейской жизни в отдельных военных городках.

Роман поможет узнать, чем реально «дышала» армия в отличие от тех произведений, в которых, кроме вымысла и конъюнктурного «сгущения» красок, сочных гротескных мазков и злобных памфлетов, реального ничего не показано. «У края» – это слепок с нашей жизни и не только с армейской.

Главные герои и действующие лица романа – это самые обычные люди, которые живут среди нас, в которых многие смогут узнать самих себя.

Они, увы, не обладают феноменальными способностями главных героев книг Даниила Корецкого и Александра Воронина. Они не видят в темноте, не стреляют на каждом ходу, бездумно оставляя после себя горы трупов.

Эти люди живут, служат. По разным причинам и соображениям пришли они в армию. У одних служить получается, у других – не очень. По-своему и совершенно не похоже одна на другую складываются их судьбы.

За одними стоят могущественные силы, что мощным локомотивом толкают их вверх по карьерной лестнице. Но всегда ли протекционизм идет им на пользу и помогает в жизни? Далеко не факт...

Другие отчаянно карабкаются, легко переступая через своих товарищей, поступаясь своей совестью, совершая не совсем благовидные поступки. Они ничем не гнушаются, ничто их не останавливает. Карьеристы и рвачи готовы на все ради того, чтобы достичь своей конечной цели.

Но больше, конечно, тех, кто служит честно, целиком опираясь на свои силы и на свой профессионализм. И именно им труднее всего приходится в нашем мире, который насквозь пропитан всепроникающей коррупцией.

Читая книгу, вы с головой окунетесь в жизнь двух воинских частей. И сами сможете сравнить, как и где лучше организованы служба и быт. Двое из выпускников по протекции попадают служить в мотострелковый полк, их товарищи получают назначение в арtpолк. По-разному офицеры относятся к возложенным на них обязанностям...

Нелегко приходится молодому лейтенанту, попавшему после выпуска служить в ГСВГ – Группу советских войск в Германии.

В Союзе осталась его жена, с которой он порвал все отношения накануне своего отъезда. Постепенно в его жизнь входит другая женщина. Непросты и неоднозначны их начинающие складываться взаимоотношения...

Пролог

...Механизированная колонна извивающейся змеей медленно вползала в неприветливое ущелье. Натужно стучали старые дизеля. Царапая душу, противно лязгали изношенные траки.

– Майор, ну, что ты скажешь? – толкнул Рэма в бок командир сводного батальона подполковник Ерохин. – Как тебе ущелье?

– А что тут скажешь, комбат, – майор неопределенно пожал плечами. – Ущелье, как ущелье. По докладам все спокойно. По виду тоже, – он опустил полевой бинокль. – Да ты прекрасно сам знаешь, комбат, что тишина таит в себе обманчивость.

Отвык он за эти годы доверять внешним признакам. На душе у него беспокойно. Тягостное предчувствие, подспудное ожидание надвигающейся беды мучило его и не давало ему покоя.

Случается порой. Еще и сам человек ничего не ведает толком, но уже остро чувствует, что что-то неминуемо должно произойти.

То довлело, скорее всего, некое предвидение, возникающее как следствие, как результат большого жизненного опыта и уникальной способности связывать отдельные факты в единое целое.

Не нравилось ему, и все. Пешая разведка прошла по докладам двадцать минут назад. А за истекшее время боевики запросто могли выдвинуться и занять удобные позиции для обстрела их колонны. У них все, как один к одному, катилось не по правилам.

В его понимании, пока их колонна не минула опасное место, ее должны были, просто обязаны были охранять сверху, заняв все господствующие высоты. А в противном случае, все это филькина грамота, не больше. Одна иллюзорная видимость и мероприятие, проведенное для отчетной галочки...

Чутье не подвело его и на этот раз. Все сложилось бы для всех иначе, если бы его обостренное чувство в тот день промахнулось. Если бы дало оно досадную осечку...

И все могло пойти совсем по-иному. Минуты через три-четыре они выскочили бы на простор из опасного дефиле. А там и рукой подать. Но случилось так, как, видно, и следовало стрястись...

Характерная вспышка слепящим пятном сверкнула перед ними метрах в трехстах у дальнего подножия горы.

– Выстрел справа! – заученно выкрикнул наблюдатель.

Зловеще прошелестела в полете противотанковая кумулятивная граната, оставляя за собой едва заметный инверсный след.

– Твою мать... – грязно выругался подполковник, мгновенно осознав, что все они вляпались по самое дальнее некуда.

Головную их машину, несмотря на открытые настежь боковые люки, играючи раздуло, как тонкую алюминиевую пивную банку.

– А-а-а! – ярко пылающий живой факел зигзагами побежал к обочине, навзничь упал на землю, завертелся волчком, разрываясь от нестерпимой боли, жадно лижущей человеческое тело.

Идущий следом БТР едва не уткнулся носом в жарко чадающий столб пламени, обиженно заскрежетали застопоренные гусеницы.

– К машине! – заорал лейтенант Стольников. – К бою!

Сидевшие сверху на броне бойцы, как сухой горох, посыпались на землю. Снова послышался зловещий шелест летящей гранаты, и замыкающая БМП вспыхнула, задымила.

– Занять оборону! Короткими очередями... огонь!

Вжимаясь в землю, прикрываясь валуном, майор оглянулся по сторонам. Сомнений у него не оставалось. Они угодили в западню. Живыми из ущелья не выбраться. Ничего другого им не остается, как принять неравный бой, как можно дороже продать свои жизни.

– Патроны, зараза, экономь! – зло кричал сержант солдату-первогодку, хлестко отпустив салаге для острастки по-отечески звонкую затрещину. – Длинными очередями не бей, идиота кусок!

В голову офицера пришла запоздавшая мысль о том, что ему следовало все ж дожидаться «вертушки» и добираться на ней.

Но его сумел уговорить комбат. Майор оставил позиции своего дивизиона и выехал с наспех собранной колонной, надеясь прибыть в штаб группировки пораньше и без суеты решить неотложные насущные вопросы. Вот он и порешил их, называется...

Рядом с майором одна за другой, вздымая лихие пылевые фонтанчики, шлепнулись две винтовочные пули. Били прицельно. Пристрелялись. Его недвусмысленно предупреждали о том, что ему пора менять позицию. Не дожидаясь третьего выстрела, он отполз назад, надежно прикрываясь остовом полуобгоревшего БТР, резво перекатами ушел в сторону, наткнулся на рядового Мальцева.

– Отвоевался, браток...

Серо-голубые глаза бойца неподвижно уставились в прозрачное горное небо. Рыжеватые завитушки любовно выращиваемого чуба шевелило слабым ветром. Чуть выше переносицы темнело входное отверстие, неровно обрамленное запекшейся кровью. Под левой рукой бойца сиротливо лежала снайперская винтовка Драгунова. В состоявшейся дуэли верх одержал, увы, не рядовой Мальцев.

– Ты прости нас всех, пока еще живых...

Прихватив с собой винтовку, майор по-пластунски перебрался на правый фланг. Через кормовой люк он забрался в подбитую и полуобгоревшую БМП. Приникнув к окулярам наблюдательного прибора в башне, офицер по рубежам цепким взглядом ощупал высоту, с которой методично лупил по ним вражеский снайпер...

Отработанным движением Леся дослала патрон в патронник, слилась с оптическим прицелом, выбирая очередную жертву. На простых бойцов она никогда не разменивалась. Ее интересовали, прежде всего, русские офицеры, снайперы и пулеметчики. За них хорошо платили. За каждого убитого ею федерала ей полагалась определенная премия. Больше всего давали за старших офицеров.

Еще лет пять назад она и во сне не могла представить себе, что окажется на самой настоящей войне. Училась девочка по фамилии Ищенко в обычной львовской городской школе. В свободное время Леся занималась в секции по пулевой стрельбе. Ее любимым оружием стала мелкокалиберная винтовка ТОЗ-8. Девушка часами могла находиться на стрельбище и выполнять упражнения стрельб.

Размеренное и спокойно-уверенное течение всей жизни вмиг нарушилось через полгода после окончания школы. Мать тяжело заболела, и в семье исчезли деньги. Они прочно оседали в аптечных кассовых приемниках. Отец подался на заработки. Предпоследнее послание родителя пришло из Польши. А самая последняя весточка прилетела из Чехии. После чего связь навсегда оборвалась.

В поисках подходящей работы Леся стоптала сапожки, но все ее усилия оказались тщетными. Ничего подходящего. Или платили жалкие крохи, или от нее требовалось «пахать» за троих-четверых. Предлагали ей место в одном ночном клубе, где подразумевались интимные услуги, девушка с отвращением наотрез отказалась.

Когда она уже окончательно отчаялась что-либо найти, на ее горизонте неожиданно появился иорданец Али. Смугловатый араб с выразительно говорящими, красивыми жгуче-

черными глазами поразительно легко покорил ее неискушенное девичье сердечко. Двух встреч оказалось достаточно, чтобы уложить ее в постель...

Тонкобровый красавец помог на первых порах с деньгами, а потом предложил Леси выход, который поначалу ее сильно смутил. Хитрый и расчетливый иорданец, выжидая, не торопил, каждый раз короткими и сочными мазками ярко расписывая перед Ищенко все выгоды и преимущества озвученного им предложения...

Двенадцатикратное увеличение прибора приблизило щебневые кочки и кусты, что позволило майору внимательно их рассмотреть. Мысленно поставив себя на место своего противника, он попытался представить себе предполагаемую позицию снайпера, логически вычислить ее. Подходящих точек оказалось немного.

И в одной из них офицер ухватил короткий солнечный блик. Через секунду-другую он увидел в перекрестии женские глаза, направленные чуть вбок. Эти глаза ему разом столько напомнили...

Выискивая новую цель, водя перекрестие оптического прицела слева направо и обратно, Леся не могла избавиться от тревожно беспокоящего чувства, что за нею наблюдают. Досадливо укоряя себя за нелепые промахи, Ищенко нервно покусывала нижнюю губу. Пытаясь бить наверняка, она чуть затягивала выстрелы, и в самое последнее мгновение майор из федералов успевал поменять положение. Пуля летела вдогонку и жертвы на месте не заставляла...

Определив местонахождение вражеского снайпера, майор неотрывно наблюдал за ним. Овал лица и характерные черты веско свидетельствовали о принадлежности девушки к европеоидной расе. Получалось, что подружка-то родом не из местных краев.

На совещаниях до них доводили сведения о том, что среди боевиков встречаются и те, кто приехал к ним воевать из Украины, Прибалтики, стран Скандинавии. Он тому не особо верил, но явно перед ним оказалась одна из иностранных наемниц...

Потеряв спокойствие, Леся заспешила, вернулась к тому месту, откуда велся огонь. Сколько ни всматривалась, никакого движения ни за, ни возле той кочки она не обнаружила. Федерал поменял позицию. Ей подумалось, что русский офицер решил поиграть с нею в прятки. И она кружила недалеко от истины. В учебном лагере ей преподали уроки контригры с вражескими снайперами.

Однако теория – одно, а практика – совсем другое. Сказался недостаток опыта. Пытаясь отыскать майора, она лишь вскользь прошла по БМП, подбитой в самом начале боя и покинутой экипажем. Ищенко посчитала, что объект не стоит ее внимания и бессмысленно тратить на его изучение столь драгоценное время...

В перекрестие мощного прибора наблюдения просматривалисьдвигающиеся зрачки сероватых девичьих глаз.

Может, они имели и другой цвет, но майору показались именно серого колера. Или ему того самому сильно хотелось. Потому что с сероватыми глазами у него столько связывалось в одно...

Вполголоса выругавшись, офицер выбрался наружу, пополз по каменистой почве, в кровь обдирая локти, колени об острые края рассыпанного повсюду щебня. Правда, майор ничего не замечал.

Он намеривался добраться до позиции, откуда наемница будет хорошо просматриваться. Хотел доползти до укрытия раньше, чем его обнаружат. Еще один бросок, и он находился на месте. Лежа на спине, майор пару раз глубоко вздохнул-выдохнул, восстанавливая дыхание. С этой секунды ему спешка уже ни к чему...

Охотничий азарт заставил Лесю позабыть об осторожности. Краем глаза она заметила мельком скользнувшую тень за той БМП, на которую поначалу не обратила особого внимания, чертыхнулась.

Чуть приподнимаясь, девушка лихорадочно пыталась отыскать признаки шевелящегося движения. Безрезультатно...

Заняв удобное положение для стрельбы, майор медленно навел перекрестие на позицию снайпера, поймал его лицо. Палец лег на спусковой крючок. Перед ним находился враг, а врагов следовало уничтожать без всякого сожаления. Так Рэм без всяких сомнений и поступил бы, имей он дело с наемником-мужчиной.

Но ему противостояла женщина, совсем молодая девушка. Рэму стало жалко убивать ее. Она еще могла полюбить, создать семью, нарожать детей. А своим безжалостным выстрелом он разбил бы по глупости свернувшую не в ту степь судьбу на мелкие осколки...

Плавнo выбирая свободный ход спускового крючка, майор медлил, не спешил, хотя уже имел несколько хороших моментов, чтоб выстрелить и покончить с наемницей. Он ждал, выбирал миг, когда девчонка чуток потеряет осторожность и покажет ему свое плечико, никак не защищенное бронежилетом. Рассчитывать на что-то иное и большее ему не приходилось...

Наблюдая в оптический прицел, Леся догадалась, вычислила позицию, где залег федерал. На его месте она поступила бы также, ведя охоту на вражеского снайпера. А в данный момент охотились именно на нее. И понимание всей двусмысленности создавшегося положения добавило к азарту немалую долю злости.

Одно дело, когда она выступала в роли свободного охотника, совсем другое дело, когда сама оказалась под прицелом. Чувство внутри росло не из самых приятных, комфорта оно не прибавило.

– Эй, Украинка! – угрюмый бородач с зеленой повязкой на лбу бесцеремонно дернул ее за армейский ботинок. – Тебя Али зовет.

Недовольно выругавшись, Ищенко резко повернула голову вбок, чтобы высказать пару ласковых слов посылному, невольно приподняла правое плечико.

– Уйди, не мешай! – сердито сверкнула она глазами.

В перекрестии прицела, выдвигаясь из-за укрытия, неуклонно вырастало женское плечо. Майор, понимая, что второго удобного случая может больше не дожидаться, надавил пальцем на спусковой крючок. Раздался звонко хлесткий удар выстрела. Одновременно в предплечье офицера мягко толкнуло пудовой отдачей.

– У! – Леся схватилась за больно ужаленную руку. – Мазила! – презрительно поджала она тонкие нервческие губы. – Промазал...

Не сомневаясь в том, что попал, майор, точно прицелившись, выстрелил еще раз, спонтанно намериваясь вывести из строя само оружие наемницы, окончательно выбить ее, отправить на отдых.

Когда вторым выстрелом разбило оптический прицел винтовки, до Леси мигом дошло, что федерал по ней не промахнулся, а метил ей специально в плечо, умышленно сохраняя тем самым ей жизнь.

– Ы-ы-ы! – жгучие слезы бессилья брызнули из ее глаз.

Взбешенный иорданец приказал подтянуть минометы, которые притащил с собой подошедший к ним на помощь отряд полевого командира Саида абу Ахмеда. Через десять минут суетливой возни две 82-мм трубы открыли огонь полупрямой наводкой.

Первые мины далеко перелетели, разорвались внизу, в ущелье. Не имея таблиц стрельбы, боевики устанавливали прицел наугад.

Наверху, там, на высоте, протяжно ухало частыми выстрелами, внизу же, в узком ущелье, через несколько секунд гулко отдавалось приближающимися к дороге спаренными разрывами.

Майор-артиллерист прекрасно понимал, что через пару-тройку скачков мины начнут взрываться на их позиции.

Выбрав подходящее укрытие, он прикрыл глаза, возвращаясь в то самое время, когда все в его жизни, казалось, пошло не так, наперекосяк, когда он оказался у края пропасти, как сейчас...

Осколочно-фугасные 82-мм боеприпасы рвались на каменистой почве, почти не оставляя воронок, выбрасывая вокруг себя сотни смертоносно жалящих осколков. Перед штурмом боевики решили окончательно стереть с лица земли оставшихся в живых бойцов из федеральных сил. Мин они не жалели, лупили и лупили...

Пережидая огневой налет, майор, удобно устроившись возле подбитой БМП, сидя в каменной нише, созданной самой природой, сумрачным взглядом окидывал ставшую для них западней дорогу...

Разрывы то приближались к нему, то удалялись, основательно перепахивая дорогу, круша и ломая технику, приводя в полную негодность то, что еще недавно представляло собой колонну.

Тыльной стороной кисти майор устало вытер со лба сочащийся пот, перемешанный с пороховой гарью и пылью. Колонны их больше не существовало. Колонна, колонна...

...Шел второй час ожесточенного боя. Одна волна атакующих боевиков сменялась другой. Комбат получил тяжелое ранение. Все боевые машины давно подбиты, выведены из строя.

В одной из них оказалась исправной, работала рация. В эфир методично улетали доклады, что кольцо все больше сжимается. Помощь обещали, но ее пока нет. И, скорее всего, подмога вовремя к ним не поспеет. Их осталось всего четверо, и следующую атаку боевиков им не отбить. Рэм, поморщившись – а что еще делать? – приказал бойцам собрать «броники» с убитых...

– Комбат, – майор подполз и наклонился к подполковнику, – нам конец. Я принял решение выйти на связь с моим дивизионом и дать команду на открытие огня по нашей позиции.

Отодвинувшись, он вынул рабочую карту, принялся определять координаты их местонахождения.

– Майор, твою мать... – подполковник говорил с трудом, – ты что, хочешь вызвать огонь на себя? С «катушек», майор, съехал? Ты хорошо подумал, прежде чем принять решение?

– Другого выхода, комбат, – жестко сжимались пересохшие губы, – у нас нет. Я не думаю, что плен окажется намного лучше.

Держа голову прямо, он выдержал взгляд подполковника и не отвел в сторону свои черные глаза, наполненные тоскующей болью. Лучше принять смерть, чем выносить измывательства изуверов.

– На моей станции, майор, – подполковник попытался оттянуть неизбежное, – нет волны твоих артиллеристов.

– Не проблема, комбат. Дело всего двух минут...

Усмехнувшись, Рэм пополз к командирской БМДешке и залез в полуобгоревшую машину.

Ожидание длилось совсем недолго, и он показался в десантном люке с телефонной трубкой выносной связи в левой руке.

– «Дон», «Дон», я, «Урал». «Дон», я, «Урал». Прием. Понял... слышу хорошо... «Дон», стой! Цель одиннадцатая, пехота, триста на двести, Х..., У..., высота..., внакладку, огневой налет десять минут, расход 144. Готовность доложить. Я, «Урал»...

– Майор, а они успеют? – подполковник зашевелился, услышав, как пошла команда. – Смотри, поднялись. Начинается...

– Успеют, – комдив сосредоточенно кивнул головой.

Достав из нагрудного кармана кожаный бумажник, он вытянул из него фотографию. Увидев на фото женщину, комбат захрипел:

– Майор, твоя жена? Дай посмотреть. Красавица. Как ты от такой шикарной бабы на бойню утек? Она знает, что ты здесь?

– Нет, – Рэм до боли прикусил нижнюю губу.

Своим решением поехать на войну он сильно все запутал. Не все так просто объяснить. Да и большого смысла в том не имелось.

– Нет? И что баба вякнет, когда прознает? – подполковник перевернул снимок и прочитал надпись:

«Помни всегда обо мне. Твоя Звездочка».

– Вы что, любили друг друга?

– Мы и сейчас любим...

Мгновенная боль перекосила его лицо, и Рэм, поморщившись, забрал фото, принялся торопливо набрасывать слова:

«Прости меня, Звездочка, за то, что я тебя оставляю. Но иначе я поступить не мог. Твой...».

– Майор, ты боишься смерти?

Не раздумывая, Рэм коротко ответил:

– Нет.

– Почему?

Серый глаз комбата прищурился. Почему одни боятся прихода старухи с косой, а другие – нет? Отчего так происходит?

– Потому что, – Рэм отрешенно качнул головой, – за ней одна пустота. Там просто ничего нет. Поэтому и бояться нечего. Больно осознавать то, что здесь, за гранью, остаются те, кому нас будет очень не хватать. Именно им, а не нам станет плохо. Но нам про то никогда не узнать. Блажен тот, кто не ведает...

Последние минуты затишья. Память его толчками выталкивала наверх все самые важные, запомнившиеся моменты из его, по сути, еще недолгой жизни. И почти везде рядом с ним шагала Она. Все самое лучшее в его жизни связалось с Нею. Что же станет с Нею, когда Она обо всем узнает?

Рэм закинул голову назад. Высокое, чистое, голубое небо. Горный воздух особо прозрачен. Красивое небо, но чужое. Все в этих горах чужое. И война совершенно непонятная, не его, чужая.

«Что-то ты заблудился, майор», – укорил он сам себя.

Что движет им? Во имя чего все это? Честь, совесть, долг?

Но где же сторожко прятались эти понятия у того деятеля, кто за шесть лет своего правления успел столкнуть великую страну в глубочайшую пропасть? Шаг за шагом Генсек целенаправленно и преступно шел на любые уступки американцам, разоружая страну, разваливая и уничтожая самую боеспособную часть армии.

А чем, пусть ответят, руководствовались в своей жизни три удельных князька, захотевших повластвовать самостоятельно, без всякой вороватой и пугливой оглядки на верховного правителя?

Жаждали они иметь под своей рукой собственные самолеты со своими гербами и штандартами. Вождели они, чтоб встречали их все, немного и немало, как глав суверенных государств.

Незаконно, грубо поправ суверенную волю своего собственного народа, однозначно пожелавшего жить в Союзе, пусть и сильно обновленном, но жить всем вместе, одной и единой семьей, эти деятели безжалостно, режа по живому, развалили великую страну.

Выходит, что не в почете у них *Честь, Совесть, Долг*...

Одно у него остается – его любовь к Родине.

Любовь к Родине. А где его Родина? В Казахстане? Там, где он родился и пошел в первый класс? Но его сейчас, по сути, ничто не связывает с той совсем другой и чужой страной.

Может, его настоящая Родина в России. Там, где он учился и вырос. Там, где все его исторические корни. Там, где жили и живут его и Ее родители, брат Марат.

Или, может быть, на Украине. Там, где он стал тем, кто он есть. Там осталась и Она. Но он и там чужой. Там он проклятый москаль. В том мире с его взглядами на жизнь, там ему места нет.

А еще частичка его души рвется в Белоруссию.

Туда, где живут близкие и даже родные ему люди. Там живет женщина, которая ему очень дорога. Там растет девочка с такими же глазами, как и у него. Там забавно ходит мальчик, очень на него похожий, и смотрит на всех своими удивленными глазками. Но и в тот мир он не вписывается. Там совсем другая семья.

Смешно. И одновременно очень хочется плакать.

Он – сын одной большой и великой страны, страны, которой более нет. Выходит, и Родины у него нет? Что осталось у него?

Остается только одно. Долг перед пацанами, что лежат вокруг него без признаков жизни. Кто-то их всех предал, кто-то их сдал. У высоты их ждали. Без всякого сомнения, ждали именно их. Брагам позарез понадобились документы, которые вез с собой комбат.

В руки боевиков могут попасть такие сведения, которым просто нет цены. Поэтому они и попали в коварную западню.

И хитрый капкан им устроил человек из своих. Продажные правители. Продажные люди. Продажная война. Но ничего, и он дорого продаст им свою жизнь. Не один десяток наемников пойдет вместе с ним на тот свет. Там они, может быть, еще и поговорят.

Имел ли он право на этот шаг? С десятков раненых, которые еще дышат, ждет неминуемая участь. Своим решением он уравнивал их с мертвецами. Но они, по большому счету, давно не жильцы на этом свете. В противном случае их всех ожидает мученическая смерть от рук изуверов и нелюдей. Из двух зол он выбрал не самое худшее...

Еще несколько томительных минут, и разом все покончится. Всепоглощающая любовь к Женщине, и невозможность жить рядом с Нею. Душевные страдания и тщетные метания в поисках утраченного смысла жизни. Там, куда они скоро попадут, ничего просто нет, и его истерзанная душа вырвется на свободу...

Неторопливо повернувшись, майор внимательно посмотрел на лежавшего в неглубокой нише лейтенанта. Юноша. И года не прошло, как нацепил тот на погоны офицерские звездочки.

– Ах, Егорушка-Егорушка! – широкая ладонь Рэма коснулась посеревшего лица лейтенанта. – Не смогли мы тебя уберечь...

Стольников умирал. Дрожащая тень приближающейся смерти накрыла его своим прозрачным покровом. Парень трудно дышал, хрипел, возле уголков его губ пузырилась розоватая пена.

Тяжелые бурые сгустки вырывались из его горла с потоком свистящего воздуха. Все реже и реже...

– Эх, Егорушка! Прости нас... – майор рукавом смахнул слезу.

И он когда-то был лейтенантом. Одиннадцать лет назад после выпуска не в самом лучшем настроении направлялся он к новому месту службы...

Боже, как давно это было...

Больше не вернуть ни за что, никогда...

(Константин Никольский «Боже, как давно это было»)

Глава первая СВ

1

*СВ – случайная величина, случайная встреча, серые волки,
спальный вагон, средние волны, смутные времена, сухопутные войска,
снайперская винтовка...*

Кому и как больше нравится...

Вдоль тенистой аллеи по Пироговской, изящно покачивая на ходу стройными бедрами, отстукивая веселую дробь, продвигалась молоденькая девушка. На вид ей было не больше восемнадцати, от силы двадцати лет. Короткая джинсовая юбка подчеркивала высоту ног, обутых в безумно дорогие для простого обывателя туфельки на тонких каблучках-шпильках. Живые и умные глаза укрывались за модными очками с фирменной треугольной лейбой.

Миновав по пешеходному переходу оживленный перекресток, молодая особа уверенно зашагала по Штабному переулку вдоль длинющего каменного забора, на который гипсовой лепниной нанесли, окрасили в красный колер большие пятиконечные звезды.

Пройдя еще метров сто, девушка остановилась возле высоких дверей пятиэтажного старинного здания, привычно легко нажала на кнопку звонка. Открыли не сразу, пришлось ей звякнуть еще.

– Кому спишь?! – с едва заметным раздражением произнесла дева, заведя в приоткрывшемся небольшом квадратном окошке помятую физиономию часового. – Не спи, замерзнешь...

– Те чё надо, шалава? – угрюмо буркнул парнишка с автоматом за плечом, которого успела прихватить в свои тиски полуденная дрема. – Шла бы ты куда подальше, приبلуда вокзальная...

Даже толстенные каменные стены здания старинной постройки не спасали от всепроникающей жары. За все летние месяцы они так прогрелись, что сами излучали тепло, как добротная русская печь. В помещении густо замешалась невыносимо спертая духота.

Ее не мог развеять временами залетающий сквозь приоткрытые окна слабый ветерок, приносящий с собой потоки раскаленного воздуха. Обильный пот крупными каплями стекал по лицу воя, от него насквозь промокла форменная рубашка. На парадном кителе влажно расплывались темные пятна, от которых неприятно несло.

– Я иду к ЧВС, – безапелляционно заявила девица. – К Члену Военного Совета округа. Дошло?!

– Дык... хоть к самому Горбачеву! – коротко хохотнул боец.

Его ужасно рассмешили слова, на его взгляд, подзаборной девки, одной из шалав, что десятками облепляли металлическую ограду их училища, изготовленную из стволов отслуживших свой век артиллерийских орудий времен русско-турецких войн.

– Скажи своему начальнику, что Славка пришла, – настырная девица не хотела отступать. – Бегом! Кому стоишь?!

На всякий случай, чтобы снять с себя всякую ответственность, воин решил тренькнуть в караульное помещение.

– Часовой второго поста курсант Слинько, – доложил он в трубку. – Тут девка, какая-то Славка, рвется к заму командующего.

– Гони ее в шею! – раздалось неприлично громко в ответ. – Хай топает ножками до бюро пропусков. Там ее зараз приласкают...

Получив ценное и исчерпывающее указание, часовой дословно передал его и грубо захлопнул окошко. Свою миссию он выполнил и ни на йоту при этом не отступил от положений Устава и Особых обязанностей часового на посту. А дальше, хоть трава не расти...

– Вот... урод! – отступив на шаг, возмущенно воскликнула девушка, но стучать, барабанить в закрытую дверь она не стала, гордость ей не позволила. – погоди, прищемят те яйца, кусок де...

Отпустив в адрес бойца пару нелестных предложений, Славка решительно развернулась и зашагала дальше. На углу здания она чуть не столкнулась с молодым человеком в новенькой офицерской форме с двумя лейтенантскими звездочками на погонах.

– Пардон, девушка! – юноша из вежливости тут же принес свои извинения, хотя именно на него налетели со всего разбегу.

Не повернув головы в его сторону и ничего не ответив, Славка понеслась дальше. Дело таилось не в отсутствии воспитанности у нее и умения вести себя, нет, просто ей катастрофически не хватало времени. А своим отказом пропустить девушку через свой пост воин с автоматом за плечом загнал ее в глубокий цейтнот...

Молодой лейтенант задумчиво провел пальцем по нижней губе и неодобрительно качнул головой. Он узнал, чуть не сбившую его с ног, особу женского пола. Он не раз лицезрел ее. И даже слышал, как ее зовут, просто имя сразу не вспомнил. Было известно ему, чьей родственницей она является. Не составляло для него большого секрета то, кому и кем она приходится.

Однако ни первое, ни второе, ни наличие тяжких проблем не могло оправдать, по сути, хамского поведения молодой особы.

Наручные «Командирские» часы Рэма в позолоченном корпусе показывали 12.17. До отправления поезда оставалось около двух часов. Времени у него – вагон и целая прицепная тележка, если посмотреть с позиции индивида, полностью подготовившегося к отъезду. И у него совсем не оставалось времени, если глянуть на все глазами человека, который не успел самого главного: наконец, протянуть руку, сделать шаг к примирению со своей обожаемой и ненаглядной женой. С той, с которой умудрился вдрызг разругаться перед самым своим отъездом.

Впрочем, шаг навстречу он сделал, предпринял попытку, хотя бы в самый последний момент, если не все, так кое-что исправить.

Преодолевая себя, Рэм зашел в Приморский отдел милиции, где работала его Дина. Но жены, как назло, в нужный час на месте не оказалось. Она выехала по своим срочным делам.

За окошком в дежурке сидел капитан в толстых очках, которого он не знал. И толком ничего от дежурного по части Рэм так и не добился. На все его вопросы капитан лишь стеснительно пожимал покатыми плечами и щурился подслеповатыми глазами. Сидит себе человек на стуле, сутками напролет протирает казенные штаны. И представляет собой пустое место, что есть оно, что его нет...

– Передайте Динаре Борисовне, – отчаявшись что-либо узнать, Рэм обреченно махнул рукой, – что поезд отходит в 14.15.

– И это все? – дежурный услужливо выгнул шею, размашисто черкая ручкой в своей потрепанной и исписанной рабочей тетради.

Сердце в груди у юноши бешено заколотилось. Ему хотелось бы столько жене передать. Но у него не имелось никакого желания выносить их разладившиеся отношения на суд общественности.

– Она сама все поймет, – сдерживая внутреннее волнение, произнес лейтенант. – Только не забудьте, товарищ капитан, все ей дословно передайте.

Пружинисто приподнимаясь к окошку, капитан заверил:

– Я все передам, я передам...

В длинном и узком коридоре царил полумрак, линолеум мягко глушил звуки шагов. Толкнув от себя массивную дубовую дверь, Рэм вышел на свежий воздух, невольно прищурился от ударившего по глазам яркого солнечного потока.

– Вот и все... – лейтенант, пройдя по внутреннему дворику, вышел за невысокую металлическую оградку.

Теперь от него практически ничего не зависело. Оставалось ему терпеливо ждать. Если Дина придет на вокзал, то им еще выпадет шанс понять друг друга, по крайней мере, попытаться найти тот или иной разумный выход.

На выбор мог он пройти пешком или же одну остановку проехать на трамвайчике. Но, вспомнив, какая духота каталась на ту пору в вагончиках, хоть там и открывали все окна, Рэм от затеи слегка сократить себе путь отказался. А потому он, особо никуда не торопясь, двинулся по направлению к Куликову полю, где по пути на него, задумавшегося, вихрем налетела Славка...

За окном, весело перестукивая колесными парами на стыках отполированных до блеска рельсов, по-старчески дребезжа, шел по кругу, катился экскурсионный трамвайчик. Высокий и раскидистый платан загораживал дом от жгучих солнечных лучей. Он сохранял тенистую прохладу, но от городского шума ничуть не спасал.

Боясь разбудить спавшего рядом с нею парня, женщина тихо поднялась, босиком прошлепала по дубовому паркету, прикрыла форточку. И назойливо беспокоящие шумные звуки кипевшей на улице жизни отделились и приглушились.

Опустившись в глубокое мягкое кресло, Наташа посмотрела на самого дорогого и близкого для нее человека, приложив пальчик к полураскрытым губкам, задумалась. Она его любила. Да, любила...

Любила его до дрожи в коленках, до умопомрачения, когда от одного его голоса екало сердечко и тут же пускалось вскачь.

Все время казалось, что она случится еще не скоро, но вот и разлука подобралась, постучала накануне вечером в дверь...

– Костик! – Ната радостно всплеснула руками, когда увидела на пороге своей квартиры лейтенанта в новенькой форме.

Военная форма всегда была ему к лицу, выгодно подчеркивала все достоинства его спортивного подтянутой фигуры. Модные чешские форменные туфли на резинках матово блестели. Идеально отутюженные брюки сидели на нем, как влитые. Защитная рубашка на нем – тоже импортная, привезена из Чехии. Дорогой галстук из сукна для генеральского состава и выточенная на заказ закладка...

– Я зашел к тебе на пару минут попрощаться, – огорошил гость Наташу своими намеренно сдержанными словами.

– И мы, – голос ее предательски дрогнул, – мы с тобой больше до твоего отъезда не увидимся?

– Вечером собираемся с друзьями. Они настаивали, и я не смог отказать им... – прикрыв за собой дверь, парень растянул свои губы в деланно беспомощной улыбке.

На самом деле, Костик немного лукавил. Особо таковых у него друзей среди однокашников не числилось. Все четыре прошедших года учебы он в силу определенных причин дистанцировался от общей курсантской массы. Жил он не в пустоте, нашлись два-три человека, что постоянно крутились возле него. Но на то имелся у них свой далеко идущий «шкурный» расчет. Дружки пользовались его положением, извлекая для себя любую возможную выгоду.

– А я думала, – женские глазки потухли, подернулись влажной пленкой, – что ты немного у меня посидишь...

К прощальному ужину при свечах она наготовила множество всякой вкуснятины... И вот все ее старания пойдут прахом. А она старалась, жутко старалась, норовила напоследок угодить ему.

– Ната, – гость посмотрел на свои часы одной небезызвестной японской фирмы, – хорошо. Думаю, если я у тебя чуток задержусь, ребята на меня сильно не обидятся.

Кидая на хозяйку влюблено-преданные взгляды, Костик в душе про себя усмехался и ликовал. Ему снова удалось все провернуть таким боком, будто именно он и с неохотой уступает ее желаниям.

– Стол готов! – радость блеснула в Наташиных глазах.

– Потом стол, все потом! – шумно выдохнул молодой человек, притягивая к себе податливое женское тело.

Для себя он еще окончательно не решил: останется ли у нее ночевать или вернется к себе домой. Во всем таились свои плюсы и минусы. Ната безотказно и с радостью согласна выполнять все его желания, а родная жена начнет, по обыкновению, выкаблучиваться, строить из себя обиженную на весь свет недотрогу.

Дражайшая супруга легко могла выкинуть любой фортель и на прощание испортить последнюю ночь перед отъездом...

– Я очень тебя люблю! – жарко шептали его губы, в то время как Костик ловко освобождал ее от одежды.

Его мягкие ладони ласково прошлись по обнаженной женской спине, и по ее телу побежала незатихающая дрожь. Мужчина умел обращаться с женщиной, знал он все ее наиболее чувствительные места и искусно манипулировал ими...

– Костик, я умираю! – томно выгибаясь, выдохнула Наташа, когда жаркие губы коснулись быстро затвердевшего комочка на левой груди, а следом и на правой.

Прикрыв глаза, она не видела, как по мужскому лицу плыла не совсем бы понятая ею улыбка. Теснились в ней мужское торжество и снисходительное пренебрежение самца к покорно отдающейся ему самке. Мелькало и еще что-то, неуловимо ускользающее...

Начальник бюро пропусков, дебелий старший прапорщик в зеленой форменной юбке, в мгновении ока все поняла и трясущейся рукой оформляла Славке соответствующий разовый документ.

– Я сейчас... я быстренько...

Просидевшая в своем кресле без малого девятнадцать лет, она хорошо понимала, что без оргвыводов неожиданный визит молодой особы не закончится. На ее писанину ушло минуты три-четыре.

– Все, Мирослава Аркадьевна, можете идти...

Еще минут восемь потратила девушка на то, чтобы добраться до нужного ей кабинета, поочередно минуя многочисленные посты и часовых, всякий раз предъявляя им разовый допуск.

– Ваш пропуск...

Внимательно пробегая глазами по выданному ей документу, бойцы сверяли правильность его оформления с образцами на доске документации. Разрешением для прохода на тот или иной пост служили определенные значки: кружки, квадратики, треугольники, звездочки. И лишь определенный набор давал счастливому их обладателю право беспрепятственно проникать на любой объект.

На третьем этаже Славку остановили и потребовали предъявить документ, удостоверяющий личность.

– Без паспорта ваш пропуск недействителен, – поправляя очки, в категоричной форме заявил ей часовой.

Снова на пути у нее оказался слишком дотошный и охочий до службы боец. Славка растерянно моргнула:

– Понимаете...

Выручил ее адъютант зама командующего. Тот быстро уладил возникшее недоразумение.

– Все ее документы у меня, – ловко вывернулся из щекотливой ситуации капитан. – Мы, понимаешь, оформляем ее личное дело...

Попав в затруднительное положение, часовой спасовал, дал задний ход, не решился настаивать на строгом соблюдении всех положений и инструкций, неуверенно пожал плечами:

– Если она с вами...

Закрепляя достигнутый им успех, капитан важно добавил:

– Она сейчас пройдет со мной. Все в порядке...

Облегченно вздыхая, Славка поспешила вслед за адъютантом, который благополучно доставил ее до двери, оббитой кожей и со знакомой табличкой. Глянув на золотые часики, девушка досадливо поморщилась. На свое вынужденное путешествие таракана вокруг стакана она потеряла больше двадцати драгоценных минут...

Настенные часы показывали половину первого. За окном вовсю жарило, парило полуденное солнце, а в небольшой однокомнатной квартире в трехэтажном доме сталинской постройки на Томаса, у Куликова поля, хранилась относительная прохлада. Высоченные потолки и толстые стены из ракушника спасали от духоты.

Накинув на себя прозрачный пеньюар, Наташа прошла на кухню. Мойку доверху завалили немытой посудой. Вечером руки до нее не дошли. Ужин на двоих при свечах затянулся до полуночи.

... – Все, мне пора! – Костик решительно поднялся и отбросил в сторону накрахмаленную салфетку.

В ожидаемо затянувшемся спектакле прощания ему оставалось сыграть последний акт. Точнее, ему следовало вынудить женщину к тому, чтобы она уговорила его остаться. Уходить Костику уже не хотелось. Он был сыт, в меру пьян, в нем снова проснулось и росло желание обладать женщиной. Чудной, восхитительной женщиной!

Его мужское самолюбие сильно тешило то, что у него имелась роскошная любовница, холенная и ухоженная, умеющая стильно одеться и непринужденно вести себя в приличном обществе.

Правда, в роли своей жены Наташу он никогда не видел. По нескольким причинам. Ната старше его на целых девять лет. За ней не числилось влиятельных родственников, как за его законной супругой, с которой он познакомился значительно позже.

– Костик, не уходи! – женские руки приблизились и легли на его плечи. – Мне с тобой хорошо!

– Ты, понимаешь... – гость показал, что начинает колебаться.

И его знак вмиг заметили и правильно истолковали. От робких уговоров хозяйка перешла к более решительным действиям.

– Не уходи! – своим телом она загородила дверной проем.

Одним неувлимым движением женщина сорвала заколку с волос, и они густой волной рассыпались по ее плечам. Быстрые пальчики забежали по ряду мелких пуговиц, расстегивая их.

– Ната! – парень лишь для вида попытался ее остановить, а у самого толчками погнало горячую кровь, распаляя желание.

Раскрытое, освобожденное от застежек легкое летнее платье скользнуло к ногам, и обольстительница перешагнула через него, выпрямилась, гордо распрямив свои плечи и выставив вызывающе торчащие упругие холмики. Не зря Наташа с детства занималась балетом. Осанку имела она потрясающую...

2

В просторном кабинете зама командующего округом веяло прохладой. Два мощных кондиционера трудились денно и нощно.

На время покинув свое рабочее место, генерал-лейтенант Мартов вальяжно восседал в удобном кожаном кресле. Напротив него, скромно сведя колени, туго упакованные в черные чулочки, сидела элегантная дама лет эдак тридцати. Она с большим трудом добилась встречи, намериваясь взять интервью у ЧВС, и сильно смущалась, робея перед человеком, облеченным немалой властью.

– На чем мы остановились, Дарья Михайловна? – генерал на мгновение прервал свою вдохновенную речь.

Битый час он без остановки высокопарно разглагольствовал о том, что офицерский корпус представляет собой элиту советского общества, что в нем собраны все сливки. Говорил о высочайшем моральном духе, о глубоком нравственном и идейном воспитании.

– Мне хотелось бы задать вам, Владлен Сергеевич, – поспешила Даша вставить реплику, – пару вопросов о том, как идет процесс обеспечения военнослужащих жильем.

Не совсем удобный вопрос не застал генерала врасплох. ЧВС готовился к такому повороту их разговора и, признаться, ждал его, пространственными фразами посылно отдаляя неприятный для себя момент, наслаждаясь по мере возможности красотой сидящей перед ним молодой женщины.

К тому времени он успел налюбоваться ее стройными ножками, изучить их. Его любопытствующий взгляд ощупывал выставленные напоказ округлые колени, едва прикрытые короткой юбкой бедра, заглядывал в низкий вырез блузки и обнаруживал там заключенные в тугой кружевной белоснежный бюстгальтер и задыхающиеся в тесном плену полушария нежной молочной плоти.

– На эту тему, Дарья Михайловна, – несколько поскучевшим голосом произнес Мартов, – мне хотелось бы поговорить отдельно. На месте. В поселке Чабанка, оно же Гвардейское. На площадке, где мы строим жилье для офицеров. Я приглашаю вас...

Половинка высокой и массивной двери без всякого стука вдруг бесшумно открылась, и генеральская бровь изумленно изогнулась.

– Папа Владлен! – на пороге показалось очаровательное юное создание. – У меня мало времени! – из девичьей груди исторгся тяжелый вздох. – А часовой на втором посту меня не пропустил! – на длинных пушистых ресничках возмущенно задрожали влажные капельки. – Пришлось идти в обход! Я потеряла целых полчаса!

Тяжело дыша и багровея с каждым последующим словом, зам командующего приподнялся с кресла и оглушительно рывкнул:

– Кто посмел?! Сука! Раздавлю, как таракана! Я его...

Ошеломленная Дашенька испытала настоящий шок, услышав из уст интеллигентного человека, каким она до сих пор считала Мартова, столь многослойное нагромождение трехэтажной грязной площадной брани. Ее нежные ушки мгновенно вспыхнули, а всю ее бросило в жар. Пряча смущенные глазки, журналистка опустила их на свои вызывающе выглядывающие колени.

В мгновение ока с ее собеседника слетел весь напускной лоск элегантности манер и воспитанности, осыпался, как чужеродная шелуха. Под лощеной и ярко блестящей оберткой интеллектуала из высшего общества скрывался заматерелый мужичище...

– Славка, за мной! – скомандовал генерал и широкими шагами направился к двери. – Я им покажу, канальям, где раки зимуют!

Втроем они быстро пересекли длинный коридор, спустились вниз по широкой мраморной лестнице, застланной ярко-красной ковровой дорожкой. Часовой первого поста замер возле Боевого Знамени, окаменел, совершенно перестал дышать.

На первом этаже Мартов решительно завернул на территорию второго поста. Часового они нашли не сразу. Бедолага Слинько, не ведая того, что над ним сгустились грозовые тучи, сладко дремал, прислонившись к дверному косяку, своим телом надежно закрыв доступ на пост с внешней стороны. Однако опасность просочилась к нему изнутри и явилась в лице разъяренного зама командующего.

– Оно? – свистящим шепотом уточнил генерал у Славки.

– Оно самое! – девушка сверкнула торжествующими глазками.

Ловко подхватив в левую руку сиротливо валяющийся на полу автомат бойца, Мартов опустил свой кулачище на его широкий лоб, обрамленный коротко подстриженной челкой.

– Свиная потроха, огрызок гнилой кочерыжки!..

С трудом выплывая из нокдауна, Слинько заморгал, открыл глаза, попытался вскочить. Ватные ноги не удержали веса слишком быстро потянувшегося вверх тела, и курсант смешно плюхнулся наземь, больно ударился затылком об дверь.

– Ты у меня с «губы» месяц не вылезешь! – пригрозил Мартов. – Документы на отчисление и в войска...

Красные полосы на генеральских штанах поплыли к выходу, а в остекленевших глазах курсанта прочно застыли модельные туфли из телячьей кожи со змейкой на боку. Таких фирменных штиблетов боец еще никогда в своей сознательной жизни не наблюдал. И он, возможно, больше уже никогда их вживую не узрит...

Пробуждение вышло тяжелым. Болела голова. Во рту, словно мухи все изгадили. А пил он один коньяк. Армянский, с пятью звездочками на этикетке. Иного в доме не держали. Хотя, как поговаривали те же самые армяне, весь их коньяк разливается из одной бочки. Что «три звездочки», что «пять звездочек».

Все дело заключалось в употребленном количестве. Понимая, что совершает явную глупость, он не смог уйти от женщины ни в полночь, ни в два часа, ни в четыре...

Сумрачный взгляд его машинально прошелся по всей стене и наткнулся на овальный циферблат. Не сразу до него дошло, сколько показывают стрелки. Секунду-другую Костик натушно соображал, и только тогда его, будто током, пробило.

– Ната! – страдальчески простонал он. – Ты почему меня не разбудила?! Ната!

В его затуманенное похмельем сознание неотвратимо вливалась мысль о том, что ему пришел конец. Все пропало. Или, по крайней мере, вся его дальнейшая жизнь нынче висит на тонком волоске. И ему придется еще сильно постараться, чтобы объяснить жене, где и с кем он пропадал. Предстоит ему снова лгать и изворачиваться.

– Ты же мне не говорил... – ласково глядя на парня, женщина прищурилась. – Тебе следовало хорошо отоспаться...

В душе своей Наташа чуточку ликовала. В прошедшую ночь она одержала маленькую победу над своей соперницей, законной супругой Костика. Выходит, рано еще ее списывать со счетов, как некоторые опрометчиво поторопились поступить с нею.

– Поезд у тебя поздно вечером...

Не дослушав ее до конца, Костик вскочил, как ошпаренный, и заметался по комнате в поисках своей одежды. Он вспомнил о том, что их команда отправляется не ночным поездом, а в 14.15...

– Ната, мне конец! – жалобно проскулил он, натягивая брюки. – Через полтора часа отправление, а я еще! Вот, блин, влип!

– Я отвезу тебя на своей машине, – женщина смотрела на его метания, нервно покусывая губки.

Впрочем, ничего, кроме самого искреннего желания помочь, у нее в мыслях и в помине не числилось.

– А если она заметит твою тачку? Сразу все просечет! – парень страдальчески поморщился. – Что делать, а?

– Я подброшу и оставлю тебя за углом. Если ты минут через десять не появишься с вещами, уеду...

На мужском лбу отразилась тяжелая борьба. Наверное, то, что ему предлагали, в его незавидном положении было единственным разумным выходом, могло стать решением одной из его проблем.

– Поехали! – схватив с вешалки фуражку, он двинулся к двери, не нагибаясь, надел туфли.

Благо еще, их дома находились в одном районе, почти рядом по местным меркам, учитывая, что весь город вытянулся вдоль берега Черного моря почти на все сорок километров. От Куликова поля до бывшего Французского, а ныне Пролетарского бульвара пролегало двадцать минут неспешной ходьбы, а на машине и того меньше.

– Мне конец, – бормотал парень, – конец...

К его счастью, жены дома не оказалось, а на тумбочке белела записка, оставленная явно для него. Потянувшись за бумажкой, он быстро пробежался по неровно прыгающим строчкам: «Баталов! Скотина!!!»

Ты где пропадаешь? Больше не попадайся мне на глаза! Сама тебя придушу, как помойного кота! Я тебя, скотину, прождала всю ночь, глаз не сомкнула. Я волновалась, а ты все пьянствуешь, как последний пропойца! Удавлю гада! Только появись...

Р.С. Баталов, если ты еще живой, дожись меня. Я до часу обязательно вернусь, жди, никуда не уходи...».

Быстренько прокрутив в своем мозгу содержимое послания от любимой женушки, лейтенант однозначно пришел к выводу, что все еще не столь страшно, как показалось ему поначалу.

Скорее всего, его дражайшая половина наивно полагает, что он загулял в компании с пропойцами-друзьями, но никак не заночевал у другой женщины.

– Ладно, поживем-увидим... – негромко произнес он вслух и посмаковал звук собственного голоса, варьируя интонацией. – Надо мне для себя подобрать подходящую «легенду»...

Пройдя к бару, Костик достал бутылку «Наполеона», налил в пузатую хрустальную рюмку грамм сто пятьдесят, не отрываясь, выпил. За собой он ничего не убрал. Пускай жена заметит...

Выйдя во внутренний двор штаба, зам командующего зашагал по направлению к отдельному зданию, в котором располагалось караульное помещение.

– Зажрались суки! – сквозь зубы цедил генерал. – Нюх совсем потеряли! Мышей перестали ловить...

Широким взмахом правой руки Мартов отодвинул в сторону выставленного у входа в караульное помещение часового, и тот, одеревенев, застыл столбом, растерянно моргал редкими белесыми ресницами. Его поднявшиеся дыбом жесткие рыжеватые кудри сдвинули загнутую «седлом» фуражку на затылок, где она лишь одним чудом удержалась, не слетела от жуткого страха на землю.

– А... а... а... – с промежутками вылетало из раскрытого рта.

Естественно, для того чтоб предупредить начальника караула о прибытии высокого начальства, курсант даже не дернулся.

– Бардак! Бардак! – генерал злыми ищущими глазами окинул помещение. – Кругом мусор!

У самой двери сиротливо приткнулся огрызок веника, рядом с ним высилась наметенная кучка из семечковой шелухи и конфетных фантиков, а пустая мусорная корзина обиженно валялась на боку, брошенная нерадивой рукой и забытая. Коридор убирали, но дело, видать, до конца не довели, бросили, отвлеклись чем-то важным.

– Вот... засранцы! По уши дерьмом заросли!

Перешагивая через ступеньку, Мартов стремительно двигался по пологой, но длинной лестнице, ведущей на второй этаж, где, собственно, и размещалось само караульное помещение. В комнате бодрствующей смены никого, на удивление, не оказалось.

– Ни хрена себе! – генеральские глаза, обалдев, расширились. – Заходи, всяк кому не лень и не хочу...

Шагнув вправо, зам командующего толкнул дверь в комнату отдыхающей смены. В ней вповалку разморенные духотой дружно храпели бойцы. Одни спали по форме, другие разделались до пояса. Самый оторванный смельчак дрых в одних сатиновых трусах.

– Ну, ничего себе... Курорт устроили... Ямайские гитары...

Два воина сопели в сушилке, удобно устроившись на длинных батареях из толстенных труб. Пара ног, обутых в сапоги, валялась на цементном полу, во сне судорожно царапая краску подковами.

– Сонное царство, мать вашу, все спят...

Заглянули они в столовую, но, видно, их визит пришелся не на самое лучшее время. Аккурат одна смена караульных пообедала и ушла на посты, их места заняли сменившиеся бойцы, быстро все «порубали» и завалились спать. А те, кому вменялось убирать со столов уже или еще дрыхли. Навести порядок воины не успели...

Из открытого тридцати шести литрового термоса густо несло запахом пустых армейских щей. В двенадцати литровом бачке, неопрятно заляпанном потеками водянистого картофельного пюре, торчал половник с обломанной ручкой. Фанерный ящик из-под хлеба кинули раскрытым. Отломанные, надкусанные куски...

Хлебные крошки валялись везде. На столах, на подоконнике, на полу. Учув дурманящий запах, из всех щелей полезли тараканы, устроили пиршество. Шевелящееся рыжее пятно на полу меняло свою форму на глазах остолбеневшего зама командующего.

– Фу! Какая гадость! – передергивая плечиками от отвращения, возмущенно фыркнула ошпаренная Славка.

В умывальной комнате, на подоконнике, небрежно валялся впопыхах кинутый поясной кожаный ремень с подсумком для магазинов и подцепленным штыком-ножом. Хозяин одного натужно кряхтел в туалетной кабинке, откуда плыли смачные запахи и неслись характерные звуки шумно опорожняемого кишечника.

– У... ё!

Не этот ли самый боец, проказливо подумалось Славке, убирал в коридоре внизу и все бросил, когда призывно заурчало в его животе, где забродило прокисшее на жаре коровье молочко...

– Суки! Так они и нашу любимую Родину проспят...

Все еще держа в руке отобранный у Слинько автомат, Мартов развернулся и пружинистыми шагами снова вернулся в комнату бодрствующей смены и шагнул к пирамиде, где хранилось оружие личного состава караула.

Дверь шкафа подозрительно легко поддалась, оказалась просто незапертой. Сигнализация не сработала, ибо ее не включили.

Отрубили, видно, систему, чтоб не будить начальника караула во время смены, когда одни караульные получают личное оружие, а другие, вернувшиеся с постов, сдают его. Вопиющий факт...

– Бардак! Бардак!

В комнате никого нет, оружие никто не охраняет. Любой может зайти и беспрепятственно завладеть десятком «стволов»...

Начальника караула на положенном ему месте не оказалось. На его стуле, нагло развалившись, сидел курсант с сильно потертыми лычками младшего сержанта. Расстегнув верхние пуговицы куртки и расслабив ремень, разводящий упирался ногами в тумбочку и медленно раскачивался. В небрежно откинутой правой его руке дымилась сигарета с фильтром. Отсутствующий взгляд курсанта упирался в светящийся экран небольшого переносного телевизора, что само по себе являлось грубейшим нарушением порядка.

– У...ё! – зам командующего чуть, было, не поперхнулся возмущенно бурлящей слюной. – Приказ 010...

Из-за занавески доносилось тихое сопение, и генерал резким движением откинул легкий полог. На кушетке с двумя армейскими ватными матрасами, застланными темно-синим одеялом с тремя черными полосами, возлежал человек с капитанскими погонами на плечах. Волосатые руки его скрестились на животе, рот был чуть приоткрыт. Возле уголков губ едва заметно пузырилась слюна.

– Сука! – дойдя до самой точки кипения, генерал взорвался. – Разлегся боров! Завалил всю службу на корню! Я тебя в дерьмо-то втопчу, размажу по всему говёному «толчку»!

Раскачивавшийся на стуле разводящий повернул голову на шум, не удержал равновесия и с грохотом опрокинулся назад, что произвело эффект разорвавшийся бомбы вкупе с начальствующим рыком зама командующего. Тревожная волна, вибрируя, пошла...

В комнате отдыхающей смены сразу зашевелились, десятки рук суетливо приводили себя в порядок, искали и поправляли на себе снаряжение. На лицах бойцов застыло смятенное недоумение.

Все еще находясь во власти сладкого сновидения, начальник караула никак не мог понять: широкие генеральские лампасы ему все еще сняты или он уже видит их наяву и не на своих штанах...

– Встать, твою...! – заорал Мартов.

Подброшенный внутренней пружиной, капитан вскочил, весь вытянулся, принял строевую стойку «Смирно». И лишь глаза его, ошарашенные и потерянные, нелепо таращились, никак не желая поверить, что все случилось именно с ним, а не с кем-то другим.

– Товарищ генерал-лейтенант! – из-за спины Славки выглянуло озабоченное лицо коменданта штаба округа.

Знакомый офицер случайно предупредил майора о том, что ЧВС внезапно завернул в сторону караульного помещения. Обычно зам командующего о своих визитах предупреждал заранее, чуть ли не за целую неделю. Любил, чтобы его встречали во всеоружии, со всем полагающимся порядком. А тут и вовсе неслыханное дело.

– Караул, «В ружье»! – подал комендант команду, чтобы как-то разрядить обстановку и вывести личный состав из ступора.

Натренированные бойцы, услышав эту команду, ринулись все разом ее выполнять, толкались в двери, мешали друг другу, сопели и пыхтели, выхватывали автоматы и спешили занять свое место в строю. Присутствие в караульном помещении высокого начальства незамеченным не осталось. Живой генерал с двумя звездами...

– Песец подкрался незаметно...

Оккупировавший туалетную кабинку воин в испуге прервал свое тягостно-мучительное занятие, рывком натянул штаны, пулей выскочил, по пути суматошно хватая рукой ремень

с подсумком, с квадратными глазами заскочил в комнату бодрствующей смены, где личный состав караула уже выстроился в две шеренги...

– Караул снять! – распорядился генерал после проведенного «шапочного» устного разбора. – Курсанта Слинько посадить на гауптвахту. На десять суток...

В это самое время у крылечка адъютант зама командующего со смешками пояснял Славке лежащую на поверхности причину того, что случилось с нею, скрытую подоплеку произошедшего с нею нелепого инцидента. Всему виной оказались плановые учения...

Штабная рота или рота охраны штаба округа, она же еще по совместительству и рота почетного караула, по боевому штату являла собой мотострелковую роту и время от времени выходила на учения. На этот период службу по охране штаба округа несли курсанты артиллерийского училища. Потому-то Славку часовой и не пропустил. По собственному незнанию. От горячего желания выполнить все требования Устава и Инструкций...

А в результате пострадал не только он сам, но и весь личный состав караула, не говоря уже об его начальнике, незадачливом капитане, не сумевшем организовать службу, от дремотной лени пустившем ее на самотек, бездарно проспавшем все на свете...

И все легко сошло бы ему с рук, служба, перевалившая экватор, добравшаяся до полуденного затишья, неспешно докатилась бы до недалекой уже смены, не заявись Славка на второй пост. Именно с ее появления волна и пошла. Случай, как много он порой значит...

С точки зрения буквы закона большой начальник оказался прав, устроив грандиозный разнос. Правда, появился он в караулке не от истинного рая за службу, а желая примерно проучить бойца, что позволил себе дерзость не пропустить к нему Славку...

Примерно в этом ключе думала Дашенька, кою по рождению не обделили наблюдательностью и проницательностью, следуя за Мартовым и Славкой, внимательно прислушиваясь к их разговору.

3

Полуденный зной. Раскаленный воздух дрожит. Асфальт не выдерживает и плавится. Жирные голуби попрятались от жары под навесами и засунули клювы под распушенные крылья.

И ветер спрятался за высокими крышами и затаился, выжидая вечерней прохлады. Не хочет испечься проказник, боится опалить свои крылышки, бережет их. Чай, не казенные опахала-то, а свои...

А на железнодорожном вокзале жизнь кипела, ни на мгновение не замирала она и не останавливалась. По перрону сновали толпы встречающих; отправляющихся в путь пассажиров и гостей города, прибывших издалека; командировочных и празднующихся.

Загорелые до черноты носильщики в расстегнутых полинялых на солнце, выцветших серо-голубых рубахах ухарски лихо гоняли тележки. Подкатывали их вплотную к вагонам. Торопливо доверху накидывали сумки, тяжелые баулы и неподъемные чемоданы.

Нагрузившись, гнали к выходу в город. Сноровисто сбрасывали вещи. Торгуясь, взимали они плату и бегом возвращались назад. Торопились совершить еще одну ходку, ежели повезет, то и две.

Подали киевский состав. Маневровый тягач, притормаживая, последние метры проплыл, будто плавно покачиваясь на волнах раскаленного воздуха, мягко уткнулся в самый край платформы. Рэм кинул сумрачный взгляд на электронное табло. До отправления поезда оставалось полтора часа. Внутри посасывало. С самого утра он не ел. Организм настойчиво требовал «закинуть в топку угля».

Пройдя через здание вокзала, лейтенант оказался на ступеньках перед Привокзальной площадью. Бегущая новостная строка, сама не веря себе, моргнула, исправилась и выдала новые сведения о температуре воздуха. +42 градуса по Цельсию в тени. Побит новый рекорд метеонаблюдений. А может, то датчик вышел из строя...

Спускаясь в подземный переход, парень машинально думал о том, что как бы то ни было, но тепло ему нравилось больше, чем холод. Жару он всегда переносил довольно легко. Еще на первом курсе Рэм усвоил одну непреложную истину. Чем больше пьют, тем сильнее потеют. Чем больше потеют, тем сильнее хочется пить. А вместе с соленым потом уходят силы. И наоборот. Чем меньше пить жидкости, тем меньше пота. И жажда уже не особо мучит.

А вот с холодом он не дружил. Если на ногах парень переносил стужу относительно спокойно, то ночью никак не мог заснуть, пока не согреется. А как можно еще согреться, если кругом холодно. Вот и лежал он, мучился, дрог и ворочался до самого утра...

По бывшей Малой Арнаутской улице, а ныне улице Чижикова нескончаемым потоком пер шумный людской поток. Одни спешили на Привоз; другие торопились попасть на Автостанцию; третьи просто глазели по сторонам, изучая витрины магазинов. И им жара, видно, была нипочем. Конец августа. Южный город. Раскаленный зной – один из его непременных атрибутов.

Свернув на Пушкинскую, Рэм нырнул в полуподвал, откуда незримо веяло прохладой. Кафе-бар. Наливали спиртные напитки, подавали горячие закуски, разносили мороженое. Три в одном...

Не глядя на вывешенное меню, лейтенант заказал сто граммов водки, порцию сосисок и двести граммов мороженого на десерт. Медленно тянул он в себя пахнущую спиртом жидкость и с тоской размышлял о том, что время бежит, а его Дины все нет и нет.

В голову вдруг пришла мысль о том, что жена уже на перроне, и парень торопливо застучал вилкой, почти не жуя, проглатывал куски. Вкус мороженого Рэм не почувствовал. Мог бы он в таком случае пломбир и не брать. Кабы знать бы про то, кабы знать...

На память ему невольно пришли подзабытые строчки:

Кабы знать, куда повернет телега
Без оглоблей скачущей судьбы,
Может, вышло бы все по-другому.
А теперь... Кабы знать бы, кабы!..

Зря он, однако, спешил и торопился вернуться на вокзал. Дина не пришла, и тоска снова со всей силой навалилась на него. Водка, закинутая им на пустой желудок, не помогла. Она лишь усугубила ноющую боль, возможно, уже случившейся утраты, во что ему не желалось верить и хотелось закричать во весь голос: «Стойте же! Верните все назад! Начнем все снимать сначала!»... Но, увы...

Тыльные ворота штаба округа раскрылись, и из них вылетела черная «Волга», «тридцать первая». За рулем сидел молоденький прапорщик. На переднем пассажирском сидении важно восседал Мартов. Сзади устроились Славка и Даша, которую прихватили с собой. После того, как решится неожиданно всплывшая проблема, генерал собирался устроить журналистке небольшую экскурсию. Его уже успели ввести в курс того, что муж Славки запропастился. Он пока не видел в том особых причин для сильного беспокойства.

В крайнем случае, гуляка мог отправиться в Брест на самолете. В запасе у молодого лейтенанта оставалось бы еще целых два дня.

– С кем не бывает... – философски заметил зам командующего, заговорщицки подмигивая Славке. – Дело молодое. Все образуется. Всю ночь молодцы гуляли, до обеда отсыпались. Сейчас он уже, наверно, сидит дома, дрожит в ожидании твоего праведного гнева.

– Спасибо, папа Владлен, успокоил... – девушка задумчиво тербила пальчиком губки. – Умеешь ты сказать...

Если все обстоит именно так, как нарисовал Мартов, то злиться на мужа у нее особых причин нет. Или же почти нет.

– Последнюю ночь мог бы провести и в семье, – качнула она укоризненной головой. – Не на один день уезжает, стервец...

– Славка! – коротко хохотнул генерал. – Перед смертью не надышишься! Он весь лейтенантский отпуск неотступно был перед твоей персоной. Ты должна его понять. Прощание с друзьями, многих из которых он, возможно, больше никогда не увидит...

Все, что говорил Мартов, выглядело вполне логично, и Славка умом это понимала, но душа ее продолжала возмущаться:

– Ты вечно его защищаешь. Ваша мужская солидарность...

– Если сильно хочешь, Славка, езжай с ним до Бреста, – Мартов хитровато прищурился.

И такой вариант у него не исключался. По его указанию давно забронировали два мягких места в спальном вагоне.

– Приехали, – негромко произнес водитель Сережа, выскочил, обогнул капот и услужливо распахнул дверцу перед своим шефом.

Двенадцатиэтажная «свечка», выкрашенная в голубой цвет, выстроенная по специальному проекту. «Голубая мечта», как метко окрестили элитный дом в народе. Квартиры в нем получили одни «блатные» из числа военнослужащих. Полковники и генералы из штаба округа, штаба тыла и строительного управления округа. И Славка каким-то непостижимым образом оказалась в числе всех тех счастливиц, которые стали обладателями ключей от квартир.

Сама она особо не задумывалась, а близкие родственники в своем желании оградить девушку от лишних забот благоразумно не посвящали ее в самый сложный механизм выдачи ордеров.

Хотя на словах со всех высоких трибун вещали и твердили о главенстве закона при распределении выделяемого жилья, на самом деле, кроме общей очереди, в которую выстраивались все офицеры, не имеющие квартир, существовали льготники и прочие, о которых вслух обычно не упоминали, но кого всегда имели в виду...

– Он уже дома, ждет тебя, – генерал положил на место трубку радиотелефона. – Подниматься наверх не хочу. Сама, Славка, с ним разберешься. Не буду вам мешать выяснять отношения. Третий в этом деле, так сказать, лишний. Через десять минут машина придет в твоё распоряжение. Отвезет вас на вокзал. Не тяни. У меня мало времени. Заводи, Сережа, поехали...

В глубине салона сидела Даша, скромно опустившая глазки.

Разъяренная фурия ураганным вихрем ворвалась в квартиру и с порога угрожающе закричала:

– Баталов! Скотина! Я тебя убью!

Молодой лейтенант, пряча виновато бегающие глаза, шагнул к ней, поймал ее гневно размахивающиеся кулачки.

– Прости, Мира! – примирительно произнес он, опускаясь на колени. – Пацаны специально напоили меня. А утром, подлецы, не разбудили. Голова до сих пор гудит...

Прощтрафившийся муж прекрасно знал, что все его спасение в смиренном покаянии. Ни в коем случае не следовало переть буром. Возмущенную женушку надлежало, как кошку, ласково гладить по шерстке, и она превращалась в шелковистую и пушистую мягкую игрушку. Но стоило ему ненароком пройтись против шерсти, как она тут же становилась на дыбы...

– Я вижу... – фыркнула Славка, заметив возле бара бутылку коньяка. – С утра у нас опохмеляются аристократы и дегенераты. Ну, допустим, в принадлежности к высшему классу аристократов ты, дорогой, замечен не был. Господи! – она театрально возвела очи к потолку. – Я вышла замуж за дегенерата! Угораздило...

Не поднимаясь с колен, парень крепко обнял девичьи ноги, тесно прижался к ним лицом. В душе он ликовал. Ему не стоило большого труда догадаться о том, что его простили.

– Я готов был их всех поубивать! Подлецы!

Привычным движением его ладони поднялись вверх по бедрам, по-хозяйски обхватили упругие ягодички. Славка прерывисто и тяжело задышала, что само по себе уже слыло хорошим знаком. После физической близости женушка утрачивала весь свой боевой настрой и начинала умиротворенно мурлыкать. Главное, чтобы она не нажаловалась на него Владлену Сергеевичу, от которого во многом зависела вся его будущая карьера. В редкую минуту теплой откровенности генерал иезуитски улыбнулся: «Обидишь Славку, смешаю тебя с дерьмом! Славка для меня больше, чем приемная дочь! Она дороже мне любого родного человека!»

– Баталов! – простонала Славка. – Остановись!

Уже готовая охотно шагнуть к широкой кровати, она с трудом вспомнила о том, что их внизу будет ждать машина. Задержись они больше уговоренного, придется им вызывать такси, терять время...

– Владлен дает нам свою машину. Иначе ты сам попрешь свои чемоданы на вокзал...

– И так всегда! – искусно пряча от жены досаду, Костик старательно растянул губы в клоунской улыбке.

– Нечего было шляться неизвестно где и с кем по ночам! – мгновенно отпарировала Славка. – Профукал свой шанс...

В голосе жены снова прозвучала затаенная обида, и Баталов решил обратить все в шутку, разрядить обстановку:

– Смотри, что накрапал один из наших пиитов. Я специально для тебя на листок переписал...

Попутно умело подчеркнул он голосом, что постоянно только и думает что о своей драгоценнейшей половинке. Достал он из кармашка блокнотик, нашел нужную страничку и продекламировал:

...Амбре стоят в казарме ночью таковые,
Что хоть под респиратор подложи лопух.
Армейская семья в количестве от взвода
Набор пружин у коек растянула вмиг.
И климат здесь за час в константу входит с ходу,
А за стеной?.. Плевать на атмосферный бзик!..

Подвигав в раздумье бровями, Славка указала на два огромных чемодана, сама подхватила сумки, что выглядели полегче.

Воодушевленный ее молчанием разошедшийся муж продолжил декламацию в лифте:

Дай Бог, чтоб устояла за стеной серванта
Хоть фотка, что девчонке послана тобой.
А утром майский ветер раздерет фрамуги
И лихо просвистит меж коек, ставших в ряд,
Скользнет в окно – и под подол ничьей подруги,
Та взвизгнет и, смутясь, присядет, сжав наряд...

Двери лифта раскрылись, вещи выгрузились, на помощь им подоспел поджидавший их у входа Сережа. Одна рука у лейтенанта высвободилась, и он с выражением на ходу дочитал:

А взвод заржет, прервав свою пробежку,
Охолостит стрельбой из слов неуставных.
Она ж, сверкнув очами, гордо и неспешно
Продолжит дефиле на ножках неземных.
(М. Тузов «Ночная казарма»)

По губам Славки скользнула снисходительная улыбка:

– Забавные стихи. Чуточку хулиганские...

И сама она не поняла, понравились ли они ей или нет. Но стихи заставляли задуматься, не пролетели вхолостую мимо слуха, как иногда случается, вынудили вникнуть в самую суть.

– Где Сам? – Костик многозначительно показал на пустующее переднее пассажирское кресло.

– Они сейчас обедают с журналисткой в «Интуристе», – просто ответил водитель и включил передачу.

С какой именно журналисткой и по какому поводу дается званый обед, Баталов дипломатично не уточнил. Отсутствие самого генерала Костика полностью устраивало. Через час поезд умчит его вдаль. Время пройдет. И его прошлая шалость не станет выглядеть столь ужасающей. Откуда парню было знать, что он уже невольно заделался катализатором стольких неоднозначных событий.

Из-за него Славка пошла жаловаться папе Владлену. Ее приход, точнее, тот факт, что ее не пропустили, вызвал прилив ярости у генерала. Зам командующего посетил караул и сделал оргвыводы.

Бедный курсант сидел на «губе», проклиная свою несчастливую судьбу. Капитан на вытяжку торчал перед начальником училища, шаг за шагом познавая то, как в дальнейшем

сложится его служба в самом дальнем от их цивилизации гарнизоне, на краю полигона, среди бескрайних степей, где пасутся отары запаршивевших овец...

Впрочем, молодому человеку дела никакого не имелось до тех, кого он вольно или невольно подставил. Жизнь-то, она у них и складывается из всякого рода случайностей. И лишь в общей массе она обретает присущую ей закономерность...

И из всех законов чаще всего в ходу был закон «бутерброда» или по-другому – закон «подлости». Обычно Дина целыми днями безвылазно просиживала в своем отделе.

А тут, как назло, ее с самого утра отослали со срочными бумагами в управление, а оттуда, несмотря на все ее горячие возражения и протесты, прямиком направили в райвоенкомат.

Кому-то потребовалось незамедлительно согласовать планы на случай возникновения различных непредвиденных обстоятельств и при объявлении мобилизации их приписного состава.

С начальником первого отдела, отвечающим за всех офицеров запаса, они разобрались легко и быстро. А вот дело с его коллегой из второго отдела безнадежно затянулось.

То ли бравый майор, в ведении которого находился рядовой и сержантский состав, сам ничего толком не знал, то ли ему на все хотелось глубоко наплевать. Так или иначе, но мужик откровенно «тянул волынку», постоянно ссылаясь то на одно, то на другое.

– Кофейку? – предложил начальник отдела, небрежно двигая в сторону все папки. – Ты как, лейтенант? – фамильярная рука легла на изнывающее от досадной задержки женское плечико.

– А никак! – Дина раздраженно оттолкнула его ладонь. – Если вы сейчас же не представите мне все документы, я иду к вашему начальнику, ставлю его в известность о вашей неготовности к согласованию и покидаю вас! Адью!..

– Секундочку...

Прозвучавшая угроза подействовала отрезвляюще, майор тут же засуетился, в его голосе появились заискивающие интонации. Дело с мертвой точки, скрипя, сдвинулось, но время было, конечно, бездарно и бесповоротно упущено.

Голубая «тройка» мчалась по городу, не обращая внимания на знаки, проскакивая светофоры на грани фола. Заскочила Дина к себе домой. В комнате никого и ничего.

– Эх, Рэмка-Рэмка! – укоризненно покачала женщина головой, чувствуя, как к горлу подкатывается горький комок.

Подошла Дина к окну. И на улице никого и ничего...

– Что же ты, дорогой мой, – упало с ее губ, – творишь?

Хотелось ей броситься на кровать, уткнуться лицом в подушку и разрыдаться от всего, что накопилось в душе. Так плохо она себя никогда еще не чувствовала. Даже в дни тяжелой болезни не было навязчивого чувства безысходности. Тогда он все время находился рядом с нею. А сейчас его нет, и она вся наполняется ощущением, что теряет его навсегда. Окончательно и бесповоротно.

– Нет, шалишь, братец! – в ее глазах ярко вспыхнул огонь.

Нет, она еще за свое счастье поборется. Надо ей найти своего неприкаянного мужа, отыскать и все ему толком объяснить.

И он сразу поймет, стоит ей лишь заглянуть ему в глаза, дать хорошенько посмотреть мужу на свои глаза. Он в них и сам все прочтет, убедится в том, что она по-прежнему любит его.

Но Рэма не оказалось и в общаге, где жила ее подруга Марина Спивак, жена Мишки Спивака, лучшего друга мужа. Комната их оказалась неприветливо запертой.

Удрученная очередной неудачей и теряющая всякую надежду, Дина поехала к себе на работу. Проезжая мимо железнодорожного вокзала, она машинально отметила про себя,

что на стоянке торчит машина с государственными номерами 00—02 КИЕ. Штабная тачка, одного из замов командующего округом. Редкий случай...

Не желая тащить тяжести, прапорщик метнулся к помощнику военного коменданта, и по его указанию военный патруль помог перенести вещи к вагону.

Бедные курсанты, надрываясь, перли неподъемные чемоданы. Рядом с ними, пыхтя, шел, переваливался тучный подполковник, жестоко страдающий от невыносимой жары. Солнечные лучики проказливо по капле вытапливали из него немалый излишек жира.

Затянутый портупеей, начальник патруля нещадно потел под плотным кителем из сукна для старшего офицерского состава. Постоянно снимал он фуражку и протирал платком лоб и огромные залысины. Все его мысли витали далеко от самой службы.

Хотелось начальнику патруля единственного: найти тенек и приткнуться в уголочке, чтобы больше никто его не трогал. А тут тащи неизвестно чьи вещи, парься на солнцепеке...

Помощник военного коменданта, проявляя расторопность, тихо шепнул проводнице, и востроглазая девица шустро юркнула в рабочее купе, вернулась с двумя новыми комплектами постельного белья. Быстренько все перестелила и только после этого пригласила пассажиров занять свои места.

– Приятного вам путешествия! – дежурная радушная улыбка засветилась на ее довольно миловидном личике.

Облегченно вздыхая, Славка плюхнулась на полку-диванчик из красного дерматина.

– Успели...

Закрывшаяся дверь надежно отгородила их от шумной суеты.

– У нас с тобой еще вагон времени, – двусмысленно намекнул Костик, зашторивая окошко.

По перрону прогуливались молодые лейтенанты, сновали вдоль всего состава. Они собирались в кучки и расходились. Их окружали жены и знакомые девицы, гуськом прохаживались *мама*.

– Баталов! Ты даже не думай! – нарочито строго произнесла девушка в ответ на обхватывающие движения его рук.

Однако она ничего не предприняла в ответ, чтобы остановить мужа, напротив, подалась навстречу его чувственно приоткрытым губам. В этот миг их желания совпали, и лишних слов для ее уговоров не потребовалось.

– Мира! Мира! – прижимая к себе податливое тело, жарко шептал парень девушке на ушко. – Я тебя очень люблю!

Его старания не пропали даром, женушка горячо ему отвечала. Еще немного, и он, казалось, одержит над ней полный верх.

– Плюнь на все! – призывно выдохнул он. – Поехали со мной до Бреста. Я обещаю тебе два незабываемых дня.

– До Бреста? – нерешительно протянула Славка.

Предложение мужа не явило для нее неожиданность, и ничего невозможного в нем она не узрела. По дороге они купят для нее все самое необходимое в пути. А назад она вернется на самолете. Место ей в случае необходимости заранее забронируют. Никаких в этом смысле бытовых проблем...

– Поехали...

– Баталов! Скотина! – ее открывшиеся глаза остановились на красном пятнышке в районе его левой ключицы.

Рывком Славка ловко вывернулась из-под мужского тела и с пышущей злостью вытолкнула парня с полки.

– Посмотри на себя в зеркало, Баталов! – горько усмехнулась она, натягивая на себя скомканную простыню.

Ее до сих пор сотрясала дрожь, и она не хотела показывать ему свое возбужденное тело. Состроила из себя обиженную невинность.

– Ты не только пьяница, но и гей...

Ей стало противно до омерзения. Всего на миг представила она себе мужа в объятиях волосатого мужика.

– Отвернись!

Девушка быстро оделась. Муж растерянно хлопал белесыми ресницами. Дернул же его черт выскочить вперед паровоза!

Не высунься он со своим предложением, жена так ничего и не заметила бы. А потом все запросто бы списалось на нее саму. Ее губы не раз оставляли на его теле следы жаркой страсти.

– Мира...

– И не говори мне, что это я, – Славка едко усмехнулась.

Не успел он еще подумать, а она его уже насквозь всего так и просветила рентгеном.

– Впрочем, мне уже как-то все равно.

День окончательно не задался. Как с утра, нет, еще с вечера все пошло наперекосяк, так и, подпрыгивая, зло громыхало по ухабам. Первый акт из спектакля «Битва скелетов на железной крыше».

– Мира, то, верно, один из дружков-подлецов подшутил.

– Пить надо меньше, Баталов... – угрюмо буркнула Славка, касаясь пальчиками дверной ручки.

Не обращая внимания на его оправдывающиеся слова, девушка вышла в проход и решительно направилась к выходу. Пускай муж помучится, злорадно плескалось в ее душе. Будет ему наука...

В свою очередь, папе Владлену она ничего говорить не станет. Не полная же она дура, чтобы рубить сук, на котором пока сидит. Ей очень, до дрожи в коленках, хотелось пожить за кордоном...

Вступал в действие еще один непреложный закон: чем меньше оставалось времени, тем быстрее оно убывало, таяло на глазах. О том явно свидетельствовали часы на электронном табло, куда Рэм то и дело кидал свой наполненный тревогой хмурый взгляд.

Острый женский локоток больно толкнул его в спину, и парень машинально обернулся.

– Снова вы! – возмущенно пыхнули девичьи глазки.

– Пардон, девушка, – как ему ни было плохо, Рэм не удержался от слегка ироничной улыбки. – Мир тесен, Мирослава...

Удивленно моргнув, Славка прищурилась.

– Вы, – вытянулся вперед тонкий указательный палец, – как и Баталов, окончили училище с золотой медалью...

Теперь она вспомнила. На выпуске рядом с невысоким парнем все время крутилась очаровательная миниатюрная блондинка.

– А где ваша жена? – поинтересовалась Славка не столько из любопытства, сколько ради одного приличия.

– Она... – Рэм неопределенно пожал непонимающими плечами, кадык его судорожно дернулся. – Она...

Узнав, что муж заходил к ней на работу, Дина мчалась на вокзал, но времени, отпущенного им на то, чтобы успеть и уладить возникшее между ними нелепое недоразумение, ей не хватило.

Пролетев самый последний светофор на красный свет, рванув по полосе встречного движения, Дина с ходу приткнула машину в первое же попавшееся более или менее удобное место и выскочила из нее. Диктор объявил об отправлении поезда на Киев.

Откинув шторку, Баталов смотрел, как от стоянки машин к ним стремительно летит стройная фигурка молодой девушки. И он даже успел загадать, поставил на то, успеет ли юная особа к отправлению их поезда или не успеет. Если они тронутся раньше, то у него все еще сложится. А если подружка успеет...

– Трогай, кучер, – поторопил он в азарте состав, – трогай же...

Нет, как ни спешила, девушка не поспевала. Дина бежала вдоль чудовищно в ее незавидном положении длинного металлического забора, отделяющего весь перрон от городской проезжей части и увидела мужа, одиноко стоящего чуть в сторонке от шумной толпы.

– Рэм! Рэмка! – крикнула она.

Но муж, к их несчастью, пристально смотрел в другую сторону, не слышал ее. Многоголосый шум толпы все заглушал.

– Рэм! Рэм-ка! – вырвался из глубины женской души протяжный стон безысходного отчаяния.

Крик отчаяния долетел до парня, он дернулся, повел головой, оглядываясь, но Дину свою не увидел. Подумал, что, наверное, ему почудилось, что все это игра его воображения. Вагон стал медленно уплывать вперед. Рэм еще раз в полной растерянности оглянулся и на ходу запрыгнул на подножку.

– Что ж, прощай...

Вот и все. Последний акт драмы сыгран, занавес опускается...

4

На переезде Рэму показалось, что у шлагбаума стоит голубая «тройка», а сама Она машет ему рукой, и он зажмурился. Отчаяние взяло мертвой хваткой за горло, дыхание судорожно перехватило.

Он ждал Ее, в нем еще жила надежда. Но Она не пришла, не протянула ему свою примирительную руку. Надежда умерла. Как и пелось в одной песне, надежда умерла последней...

Сбоку появился Сашка Григорьев. Друг что-то говорил ему, о чем-то спрашивал. Он с большой неохотой и все чаще невпопад отвечал. Когда Саша потащил его за собой в купе Баталова, Рэм с полным безразличием последовал за ним.

В другое время он наотрез отказался бы. С Константином у него сложились несколько специфические отношения. Первым он руки Баталову никогда не подавал и в дружки-приятели никогда не набивался. И на то существовали свои веские причины.

Но в настоящий момент ему было все равно. Случись, он уселся бы за стол и с самим чертом, лишь бы предложили что выпить. Ему срочно требовалось залить бушующее внутри его пламя, а на все остальное парню хотелось крикнуть: «А мне до лампочки!».

– Выпьем за нас, за настоящих мужиков! – с пафосом в голосе, стоя, провозгласил первый тост Баталов.

Не глядя в его сторону, Рэм наполнил свой стакан до краев, не чокаясь, влил в себя тепловатую жидкость. Коньяк оказался хорош, настоящий, не паленый, чего нельзя сказать про его хозяина.

– Мы день за днем четыре года тянули курсантскую лямку, ели из одного котелка, спали под одним одеялом. Нашу мужскую дружбу мы сохраним, бережно пронесем через года...

Прикрыв глаза, Рэм попытался отключить себя от восприятия внешнего мира. Он никогда не верил ни единому слову Баталова. Для него не представляли особого секрета отдельные факты из биографии Костика. И почерпнул их Рэм из надежного источника.

...Окончив среднюю школу ни шатко, ни валко, скорее всего, вследствие пренебрежительного отношения к самой учебе, Баталов подал документы в университет на юрфак и с треском провалился, что явилось, в общем-то, делом вполне неудивительным.

– Неуч! – заклеил его страшным позором папаша-профессор.

Даже многочисленных связей родителя не хватило на то, чтобы вытянуть за уши своего недоросля-балбеса до студенческой скамьи.

– Нашему сыну фатально не повезло, не хватило всего одного балла... – мать, кандидат педагогических наук, кинулась на защиту своего любимого чада.

Пригладив непослушные мальчишеские вихры, женщина чуть оттолкнула сына в сторону. Убрала его с линии открытого огня.

– Ремня ему, балбесу, в детстве не хватило! – с присущей ему дипломатичностью выразился отец. – Учись он в школе на пятерки, набрал бы необходимый проходной балл. Весь в тебя, лодырь...

Разгоряченные родители еще долго ругались, быстро перейдя на персоналии. А Костик призадумался. Отец по кругу был прав.

К полученным ими во время вступительных экзаменов оценкам прибавлялся средний балл аттестата. В его случае сей показатель составлял всего лишь 3,67. Негусто...

– Ничего, на следующий год еще поступит... – примирительно заявила мать. – Подготовится...

– В армию его, балбеса, скорее заберут... – буркнул отец. – Зимой стукнет восемнадцать, и загребут весной, забреют лоб.

– А ты что-нибудь придумай...

До весны казалось еще далеко, время терпело. К концу зимы и выход нашелся. Папаша сам отвел свое слегка упирающееся чад в военкомат, где Костик под диктовку написал заявление с просьбой допустить его до сдачи вступительных экзаменов в артиллерийское училище. Если тесной дружбы с погонами на плечах избежать оказалось невозможно, то следовало максимально минимизировать отрицательные последствия неотвратимого знакомства.

И высшее образование подразумевалось получить без отрыва от производства, и близкого общения с солдатской лямкой избежать.

И все в семье на этот раз дружно осознавали, что у Костика в запасе оставался всего один шанс. Первый он по своей природной простоте не использовал, а третьего ему уже не дадут.

Отзвенела весенняя капель, расцвели каштаны и акация. Костя упорно занимался. Ему наняли репетитора по математике и физике. Нашли подающую надежды студентку второго курса с физмата.

– Господи! – ужаснулась Вера Павловна, оценив бездонную глубину его познаний. – У тебя сплошные пробелы и проплешины. За что, скажи, тебе в школе тройки ставили?

– За удовлетворительную посещаемость, – хмыкнул в ответ ученик, нисколько не расстроившись из-за ее нелестных слов.

О том, что он не дружен с точными науками, Костик знал не понаслышке. Потому и стремился попасть парень на юридический факультет, где больше изящной словесной болтовни, чем мудреных двухэтажных формул, логарифмов и интегралов. А за прошедший год он позабывал и то, что никогда не знал и во сне не помнил.

– И что нам с тобой делать? – озаботилась Верочка.

Вне всяких сомнений, предки абитуриента не придут в восторг от того, что их чад после ее занятий намного не поумнело. Она с ужасом осознала, что на заметное повышение уровня его знаний часов отведенных занятий ей попросту не хватит.

– А будем мы писать шпаргалки... – ухмыльнулся один юноша с блестящими глазами.

А сверкали маслянистые зенки у хлопца от того, что он видел за вырезом ее легкой кофточки. И зрелище скромно прячущейся за простеньким лифчиком тугой молочной плоти приводило его в неописуемо сладострастный восторг. Богатое воображение легко и красочно дорисовывало ему то, что скрывала под собой ткань.

– Большой! – ядовито прошипела Вера Павловна, заметив его взгляд и верно оценив его направление. – Вы смотрите не туда! У вас наличие полной амнезии на математику, а вы отвлекаетесь на совершенно посторонние предметы.

Бледный юноша с горящим взглядом огорченно вздохнул. Что он мог поделывать, если в его голову ничего путного не шло, кроме страстного желания затащить милого репетитора в койку.

– Видишь ли... – ученик, вздыхая, развел руками.

– Хорошо, – Верочка пошла на маленькую и вынужденную хитрость, – если решишь один простенький пример, то...

Пришлось ему изрядно постараться. И его прилежание сполна вознаградили. Строгая учительница сама сняла с себя кофточку. Просто и без жеманства. Будто для нее подобное слыло делом и вовсе обыденным. На что и на какие жертвы не идут ради науки...

– Реши следующий пример...

В своем поступательном движении от простого к сложному они довольно скоро уперлись в непреодолимую преграду. С одной стороны, Верочка не нашла что снимать, а с другой стороны, ее прилежный ученик достиг предела своих возможностей. Тупик...

На том они решили пока остановиться. Но не ограничились лишь простым созерцанием друг друга, пустили они в ход руки и губы. Дозволили себе все, кроме самого последнего шага.

В ответ на его откровенные поползновения Вера Павловна решительно сжала острые коленки:

– Извини, вход для мужа...

Взглянув в ее глаза, Костик осознал, что девушка не шутит, и понял, что тут ничего ему не отломится. Полный облом...

Чтобы с ее подопечным не случился полнейший облом на вступительных экзаменах, Верочка решила задействовать тяжелую артиллерию и привлечь на помощь бедному парню свою старшую сестру, которая при желании могла оказать деятельное содействие.

Наталья Павловна служила балериной в труппе Оперного театра. До главных ролей она еще не добралась, но стояла в шаге от примы. В своем желании быть независимой от всех женщина нашла себе дополнительный приработок и вела кружок балльных танцев в окружном Доме офицеров. В ограниченный, в общем-то, круг ее знакомых входили офицеры из Политуправления, накоротке она общалась со всеми начальниками клубов частей гарнизона.

Выслушав сбивчивую и взволнованную речь своей сестренки, Наталья Павловна поначалу наотрез отказалась. Само предложение Верочки противоречило ее основным жизненным принципам. Она всегда выступала против того, чтоб у кого-то и что-то просить. Не выносила женщина быть кому-то обязанной. Даже по мелочам.

Всего лишь раз она переступила через себя, когда попросила влиятельного человека посодействовать в получении собственного жилья. Очинка, безусловно, стоила выделки. Квартиру она вскоре получила, но и неприятный осадок на душе остался. Исключение из правила лишь подтвердило обоснованность самого правила. За то, что ей помогли, вскоре пришлось женщине упорно отрабатывать.

...В их округ прибыла комиссия из Главного Политуправления советской армии. Москвичи в узком кругу посмотрели концерт, устроенный в честь их прибытия. В завершение по просьбе одного товарища, которому она просто никак не могла отказать по вполне понятной, легко объяснимой причине, Наталья Павловна танцевала «Лебединое озеро». Мужики были в полном восторге и бешено ей аплодировали. Ночь она провела с генералом, председателем той самой комиссии. Обнаженной танцевала перед ним на столе. И так шесть дней подряд. Дороговато встала ей квартирка...

Однако Верочка проявила невиданную доселе настойчивость, и так и сяк уговаривала сестру. В конце концов, Наталья Павловна решила пойти на компромисс со своей неуступчивой совестью.

– Ты покажи его мне, а я потом скажу: «да» или «нет»...

Признаться, парнишка ей показался. Не сразу. Она целый день нарочно таскала Костика с собой, все приглядывалась к нему. И, когда Баталов, подустав, перестал играть пай-мальчика, явил перед нею самого себя, женщина исподволь раскусила его сущность.

Неглупый с виду молодой человек, но и глубиной интеллекта не блещет. Если хорошенько над парнем поработать, то вполне реально придать ему светский лоск. Немного циничен и с ленцой.

В свои годы уже знает, что хочет от жизни и как всего можно добиться. Наличием особо строгих моральных принципов парень не страдает. В облаках он не летает и иллюзий не строит. Если такому кадру помочь, подтолкнуть, то многого может добиться.

Ближе к вечеру решение пришло. Ей захотелось посмотреть на то, что может в дальнейшем получиться из ее протеже, если она вплотную возьмется за обустройство его судьбы.

– Ты с ним еще не спала? – в упор спросила она у Верочки.

Меньше всего ей хотелось проблем, что потом реально могли у них возникнуть на морально-нравственной почве, если дело у нее дойдет до постели. Сестрица вспыхнула до самых корней волос:

– Как ты можешь?!

Легонько похлопав смущенную девчонку по плечу, Наталья Павловна удовлетворенно кивнула:

– И ладненько. Прости. Блуди себя, блуди. В итоге достанется твое сокровище прыщавому моральному уродцу...

На ее памяти подобных примеров уйма. Наплачутся некоторые, да поздно будет. Безвозвратно потерянные годы нереализованных мечтаний и надежд вспять не обратить...

В тот год конкурс на поступление в училище оказался одним из самых высоких. Из четырехсот мест восемьдесят заняли суворовцы, зачисляемые без всяких испытаний. Примерно столько же приехало солдат срочной службы, успешно сдавших все экзамены выездным приемными комиссиям.

На оставшиеся вакансии претендовали восемьсот абитуриентов из числа гражданской молодежи. И следовало хорошо потрудиться, для того чтобы набрать необходимый проходной балл.

Первым писали сочинение. Свою кровью и потом заслуженную четверку Костик получил. На письменный экзамен по математике Наталья Павловна мобилизовала скрытый ресурс.

Седоватый и склонный к полноте майор выкатился из столовой учебного центра, где всего минут десять назад начался экзамен, с вожделенным листочком в нагрудном кармашке.

– Наталья Павловна, – смахнул он со лба крупные капли пота, – за ради вас. Пришлось трошки потрудиться...

– За нами не заржавеет... – хмыкнула балерина. – Сочтемся...

Поставит уж она им пару-тройку номеров для художественной самодеятельности училища, чтобы после показать все на окружном смотре. Она приведет к ним своих девочек из балетного кружка, а начальник клуба подберет для них подходящих партнеров.

– Подсуетимся...

Пока старшая сестра нервно прохаживалась по узкой дорожке, ведущей к запасным воротам, Верочка Павловна на коленках тут же набрасывала решение. Или она второпях ошиблась, или Костик, переписывая, допустил нелепейшую оплошность. Верная пятерка ускользнула, явив на свет вместо себя твердую четверку.

– Собрались, черт, вместе, – едко сострила Наталья Павловна, – слепой и безрукий, сели за руль дорогого авто. Да ладненько уж.

Начало вышло неплохим. На устном экзамене по математике по инерции натянули ему на оценку «хорошо», во многом благодаря деятельной помощи начальника клуба. А по физике больше тройки вывести парню не смогли. Ничто не помогло оценить, в принципе, неудовлетворительные знания Костика еще выше.

Вместе со своим невысоким средним баллом аттестата до желаемого результата – девятнадцати баллов он не дотянул всего-то ничего, самую малость. И это оказалось обиднее всего.

Как можно выпутаться из создавшегося сложного положения, по делу посоветовал им начальник клуба, за эти дни проникшийся определенной симпатией к смышленому парню. Майор научил, что и как надо делать, кому, что и как именно следует говорить.

Накануне в столовой подрались во время чистки картофеля. Искали зачинщика бузы, но пострадавшие ребята отмалчивались, несмотря на открыто прозвучавшую угрозу отчисления.

– Товарищ капитан! – Костик вытянулся перед командиром 14-ой батареи курсантов. – Я не могу умолчать про тех, кто своим безобразным поведением позорит честное имя комсомольца...

Покрасневшие от недосыпа глаза комбата чуть приподнялись и жестко уперлись в стоявшего перед ним юношу.

– Конкретно! – потребовал он. – Назовите фамилии!

– Драку в столовой затеяли Андреев и Остапчук. Оба со 145-й группы. Первый дразнился, нехорошо обзывал товарища. Второй не выдержал, вмазал ему со злости. Ребята бросились их разнимать и передрались между собой...

Раскрыв блокнотик, Сергей Викторович взял парня на заметку. На прощание он поощрительно кивнул:

– Ты заходи, не стесняйся. В любое время дня и ночи...

Случай не заставил себя ждать. Самые отчаянные решили еще раз испытать свою судьбу и весело отметить успешное окончание экзаменов. Послали гонцов за винцом в Григорьевку...

– Товарищ капитан! – через пять минут Костик обстоятельно докладывал обо всем своему комбату. – Представляете...

Возвращающихся из самоволки абитуриентов ждали. А утром ребята с вещами покинули территорию лагеря. Уходили пацаны с низко опущенными глазами. Прятали в них горький упрек и обиду на то, что их жестоко подставили, подло предали...

– Сильно хочешь стать курсантом? – Сергей Викторович водил по Костику изучающим взглядом. – А балла тебе не хватает...

Чтоб полностью исключить вмешательство непостоянной девы-фортуны на грядущем заседании мандатной комиссии, комбат-14 решил упредить и схватить изменщицу за хвост и повернуть ее к Костику лицом. Капитан лично сходил в приемную комиссию, что располагалась в летнем домике напротив офицерского общежития.

Секретарь приемной комиссии прапорщик Серко привычными движениями легко затер ластиком худенькую оценку в ведомости по физике, подправил следы опасной бритвой, вывел «отлично». И перепечатал на машинке общие результаты сдачи 142-й группы. Сладил он все так, что и комар носа не подточит.

После мандатной комиссии Наталья Павловна отпросила и увезла на машине с собой в город без пяти минут курсанта. Свою часть договора она выполнила и пожелала немного расслабиться.

– Недурная у вас квартирка! – оценил юноша высоту потолков и внутреннюю обстановку, набитую дорогим антиквариатом.

Ко всему прочему, хата его покровительницы находилась в пяти минутах езды на трамвае от их училища. Ценное достоинство, учитывая складывающиеся обстоятельства.

– Быстро в ванну и хорошенько отдрай себя мочалкой...

Когда Костик вышел, распаренный и пахнущий чистотой, все шторы оказались задернуты, и комната погрузилась в полумрак.

– Не люблю, когда на меня пялятся... – пояснила женщина. – Дай мне к тебе привыкнуть...

Утром она сама отвезла Костика в училище, куда прибыла автомобильная колонна из лагеря. Абитуриенты выгружались, на площадке перед парком строились и повзводно отправлялись к казарме, что находилась всего в пятидесяти шагах от них.

По молчаливому знаку командира взвода Баталов быстренько занял свое место в строю.

– О, Иудушку привезли! – едко прошипели позади него.

– Тише ты! – одернули шутника. – Сашка Григорьев тоже с нами сегодня не ночевал. Скажешь, что и он «стучит»...

Сбоку тяжело засопели. Требовалось намек переварить.

– Нет, Сашка на подлость неспособен. Свой чужак...

– Может, вовсе не он «стучит». Я видел даму, которая за него просила. Такой классной бабе, пацаны, никто не откажет...

Баталов чувствовал, как покрываются краской торчащие уши. Он раскусил, что речь шла про него. Его начинали подозревать, но доказательств у ребят не хватало. Ему следовало поостеречься. Его походы в офицерскую канцелярию не остались незамеченными.

Напрасно он опасался. Все довольно скоро разрешилось само собой. По рекомендации начальника клуба замполит четвертого дивизиона курсантов взял Костика «на карандаш», вызвал к себе и обо всем обстоятельно расспросил.

На выборном комсомольском собрании дивизиона вышел на трибуну неприметный парнишка Владимир Бобов и тихо произнес:

– Есть предложение избрать в состав комитета ВЛКСМ нашего дивизиона следующих товарищей...

Проголосовали списком. Все дружно подняли руки. Первый курс. Никто и никого толком не знал. Не понял никто, откуда этот самый список взялся, кто в нем. Больше всего многих курсантов радовало то, что сами они в комитет не попали. Ни к чему им вся эта лишняя обуза и бумажная канитель. Они пришли учиться...

Второй в списке значилась фамилия Костика. Одним поднятием рук его сотоварищи вознесли Баталова на очередную высоту, сами того не осознавая, сунули ему в руку счастливый билет на трамвай желания. И дружно помахали ему вслед ручкой...

Бурно обсуждая все, что угодно, и только не само состоявшееся голосование, курсанты покинули аудиторию под номером 315, где проводилось собрание. Остался вновь избранный состав комитета комсомола четвертого дивизиона.

На правах старшего товарища первое заседание комитета повел сам замполит, чтобы уверенно довести судно до нужного причала:

– Предлагаю секретарем нашего комитета избрать Баталова Константина Григорьевича.

Мало кто из курсантов, оставшихся в зале, знал более одного сидящего с ним в первом ряду товарища. А потому предложенная им кандидатура Баталова особо никого не всколыхнула, не вызвала бурного противления. И снова дружно все проголосовали «за».

Раскрасневшийся Костик заверил всех, что приложит максимум усилий и оправдает их высокое доверие.

Тягостный для многих Курс молодого бойца пролетел мимо его сознания. Баталов с головой ушел в комсомольскую работу. Его видели то в одном месте, то в другом. Костик деятельно собирал необходимые сведения, учетные данные, составлял списки...

Особенно его занимала подготовка к праздничному концерту на день Присяги. Точнее, привлекал не сам концерт, а возможность манипулирования его подготовкой в своих корыстных целях.

– Товарищ подполковник, – на второй же день предложил он, – у нас есть возможность договориться с Домом офицеров. Покажут они у нас несколько номеров в своих костюмах. Будет здорово...

– Это ты ловко придумал... – расцвел замполит.

Не очень-то у него радостное поутру настроение сразу заметно улучшилось. С концертом имел он одну головную боль. За месяц из ничего слепить конфетку. А тут предлагают готовую обертку.

За хоровым пением дело у них не станет. В организованном стаде и бараны научатся складно блеять, нашлась бы на то воля. С пяток добавить к хору отдельных номеров, и дело на мази.

– Хитер ты, Баталов, на чужом горбу в рай выезжать, – весело рассмеялась Наталья Павловна, нисколько не озаботившись его предложением. – Молоток... гвозди чужими руками забивать...

Возникла необходимость, и у парня «нарисовался» свободный выход в город. Выдали ему документ, чтобы всякий раз не искать для него увольнительные записки и не выписывать их...

Вместо тягостных занятий на плацу и нудной чистки оружия Костик деловито сновал между училищем и Домом офицеров, не обделяя своим вниманием уютную квартирку на Томаса.

Временами в клубе училища появлялась Наталья Павловна и своим приходом вносила оживление. Незадолго до Присяги на предварительный прокат программы пришла с нею тоненькая девушка, села в первые ряды и за все время не проронила ни слова.

– Кто был с тобой? – поинтересовался Костик вечером.

На днях они по взаимному согласию перешли на «ты».

– Губа у тебя не дура... – усмехнулась женщина. – Заприметил ястреб голубку. – Женись на ней, – будто в шутку, окидывая парня испытывающим взглядом, предложила она, – и тебе генеральские погоны по жизни будут обеспечены.

– Да ты «гонишь»! – не поверил ей Баталов.

Наталья Павловна безразлично пожала плечами и не ответила, томя его неведением. Пройдет время, и она еще пожалеет о своих опрометчивых словах. А пока она еще весело смеялась над ним...

5

Проводив глазами киевский поезд, отходящий под звуки марша «Прощание славянки», Славка нерешительно потопталась на месте. Несмотря на kloкотавшую внутри злость, девушка заметила, как вдоль забора металась та самая миниатюрная блондиночка, про которую она спрашивала, но вразумительного ответа не получила.

– Опоздала... – отстраненно подумала девушка. – Ваш поезд, милочка, тю-тю. Поезд Москва-Воркотою давно в путь...

Качнувшись влево, Славка зашагала к подземному переходу. Через тридцать шагов ей предстояло решить, куда свернуть: идти прямо к выходу в парк на Куликово поле или влево до выхода на Привокзальную площадь. Пошла она прямо.

– Ты? – Ната удивленно моргнула, глядя на нее, на бутылку шампанского и на коробку шоколадных конфет в ее руках.

– Отпразднуем мою свободу! – со злой веселостью выдохнула нежданная гостья. – Или ты мне не рада, а?

Хозяйка протянула к ней обе доброжелательные руки:

– Есть люди, Славка, которым я рада всегда. Ты в их числе.

– К счастью или к несчастью, – протянула Славка и замолчала.

На тумбочке она заметила заколку для галстука. Ту самую, что она не обнаружила на муже, но сразу особого значения не придавала.

– Я думала, ты отправилась в путешествие в спальном вагоне.

Не отвечая, Славка прошла на кухню в надежде найти улики. Кругом царил идеальный порядок. Однако это еще ни о чем ей не говорило. Выхватив из подставки нож, девушка сгруппировалась.

– Ната, ты – шлюха! – изменившимся голосом произнесла она. – Тебя прямо сейчас порезать или после того, как ты сама мне все расскажешь?! – с угрозой выплеснула Славка из себя. – Шлюха...

Ее перекошенное злобой лицо стало неузнаваемо некрасивым. Из утонченно воспитанной девушки она невероятным образом превратилась в одну из ярких представительниц городской шпаны, умеющей не только мастерски выражаться площадной бранью, но и пускать в ход при первой необходимости острые коготки, яростно сжатые кулачки и даже крепко зажатые в правой или в левой руке, а то и в обеих ладонях одновременно заточенные предметы.

– Попишу! Век воли не видать!

Кого-то другого вид разъяренной фурии мог удивить, но только не Нату. Она знала, что до тринадцати лет Славка жила с больной матерью в Чите, водила дружбу с нехорошими, мягко сказать, парнями, со всяким хулиганьем. Девчонке уготована была прямая дорога в «ночные бабочки», что кучно ошивались возле кабаков и ресторанов. С ее божественной фигурой Славка могла занять место в «Даурии», где собирались местные воры «в законе» и авторитеты.

– Сука, ты меня на всю жизнь запомнишь! – острый кончик мелькнул в опасной близости от лица хозяйки.

Невольно отступая назад, Ната напряженно следила за тем, как виртуозно Славка перекидывает нож из одной руки в другую. Еще не утратила она навыков, приобретенных в уличных потасовках, в ту пору, когда малолетки дрались район на район.

Возможно, по ней «плакала крытка» для несовершеннолетних. Все чудесным образом изменилось со смертью матери. Чувствуя скорое приближение конца, женщина подозвала девчонку к себе, передала записку в запечатанном конверте и простенькое кольцо.

– Найдешь Мартова Владлена Сергеевича. Скажешь ему, что ты от меня. Дай прочитать письмо. Все, что я еще могу сделать для тебя. Я была тебе не очень хорошей матерью. Поступи на этот раз так, как я тебе сказала. Иначе, девка, пропадешь ты одна...

И пропала бы Славка. Уже искала ее знакомая до боли и ужаса инспектор по делам несовершеннолетних правонарушителей. И отправили бы ее в детский дом, откуда прямая дорога шла в...

Да плюнула девчонка на все и махнула в Москву. Долго ехала она, на перекладных. Добралась. Денек пошаталась по столице и покатила в Тирасполь, где Славка нашла Мартова, который ее, всем на удивление, по-быстрому удочерил.

– Шлюха, ты меня знаешь давно, – тончайшее лезвие ножа с поразительной легкостью вспороло ткань шелкового халата. – Я не шучу! – вторая полоска органично легла крест-накрест первой.

И вправду, знакомство их длилось не один, не два года. Славку нарочно привели в балетную студию, чтоб избыть мальчишескую угловатость в ней и неуклюжесть движений, выработать осанку и по возможности придать необходимую для девушки ее положения и возраста грацию, заодно поднабраться хороших манер.

– Ты спишь с моим Баталовым, дрянь!

С силой вогнанный в дверной косяк нож мелко завибрировал, а Славка рухнула на пол, по-девчоночьи громко разревелась.

– Выпей! – Ната протянула стакан, куда на донышко плеснула порцию коньяка. – Легче станет...

Постукивая зубками по стеклу, Славка проглотила все махом, закашлялась, замахала руками.

– Ты же, дрянная девчонка, – женщина укоризненно качнула головой, – с самого начала знала, что у меня с Костиком связь. Тебя это не остановило. Ты начала с ним встречаться. Ты делала вид, что не в курсе наших отношений. Тебя все устраивало...

Славка хотела возразить, но не нашла, что сказать. Все было так или почти так. А хозяйка продолжала наступать на нее:

– Ты знала прекрасно, что твой Баталов далеко не убежит, если ты его от себя пого니шь, а за утешением приплетется, придет ко мне, приползет на четвереньках. Я же для тебя не совсем чужой человек. Мне его можно на время доверить...

По лицу девушки пробежала гримаса судорожной усмешки. И тут старшая подруга оказалась права. В ней всегда присутствовала внутренняя уверенность в том, что муж не будет искать утех где-то на стороне, заводя легкие интрижки с легкомысленными девицами. Не станет бегать по всяким бабам, имея столь классную и стильную любовницу, как Ната. Бывшую любовницу, думалось ей...

– Тебе было удобно, и ты делала вид, что ничего не знаешь. А теперь все маски сорваны...

Достав второй стакан, Ната налила и себе. Признаться, и ей нелегко. Гораздо проще, когда все знают, догадываются, но ведут себя, будто ни о чем не ведают. Так намного легче смотреть в глаза друг другу. А после подобных откровенных признаний...

– Ты сейчас можешь уйти и всегда делать вид, что мы с тобой по жизни незнакомы. Я не обижусь. И Баталова своего забирай. На нем свет клином не сошелся. Было бы еще из-за кого...

Ната опустила руку с пустым стаканом. Кажется, все сказано. Занавес придется опускать и разбирать декорации. Жалко, что за окончанием спектакля последует опустошение. Сидящая перед нею девчонка давно превратилась в неотъемлемую часть ее жизни.

Славка была ее семьей. И семья рушилась. Зря она не прогнала Баталова еще ночью. Не подумала. Забыла ослепленная чувством ревнивого соперничества о том, что девчонка для нее значит много больше, чем ее неверный и ветреный муж.

– Следы за собой надо замечать, – буркнула Славка, «хлопнув» второй стакан. – Дернул же меня черт к тебе зайти...

Хозяйка открыла дверцу навесного шкафчика. Под порезанной тканью халата проступили капельки крови. А она сразу не заметила и не поняла, что кончик ножа глубоко процарапал ей кожу.

– Ты могла меня прирезать...

– Запросто! – охотно кивнула Славка, снова наполняя стакан.

Лет восемь назад одна девица из их хулиганской шайки за сущий пустяк прирезала свою товарку. А тут шикарный повод...

На перегоне Раздельная-Котовск все поезда шли без остановок и, разгоняясь, летели вперед с шелестящим свистом. Вагон слегка покачивало. Изредка постукивало. Открыв глаза, Рэм смотрел в окно, не вслушиваясь в ничего не значащий, никчемный разговор.

– Лады, мужики, – он рывком поднялся. – Я тут среди вас лишний. У вас свой базар, а у меня полное отсутствие интереса к вашему товару. Саша, я буду в нашем вагоне...

В служебном купе, артистически жестикулируя руками, Вова Бобов развлекал проводницу, девушку из студенческого отряда. Пухленькая, с полными щечками, она мило, застенчиво улыбалась и смущенно краснела.

– Вы про все интересно рассказываете...

На столике стояли два стакана с чаем, заварные пирожные и краснобокие яблоки. Яблоки продавали на каждой станции. Они стоили дешевле посуды, вместе с которой их предлагали. Грецкие орехи шли чуть дороже...

В купейных вагонах – чистота вовсе не та, дорожки в них лежат выцветшие и потертые. А в плацкартных паласов не наблюдается.

Подумав, Рэм остановился в рабочем тамбуре, где потише, и долго стоял, раскачиваясь вместе с вагоном, баюкая незатихающую душевную боль. Дина, увы, не пришла, чтобы проводить его.

Между ними, выходит, все кончено. Возврата к прежнему не произойдет. И лишь прошлое всегда будет преследовать его...

Молодые лейтенанты собирались кучками, живо припоминали курсантские годы. Набралось за четыре года, о чем вспомнить.

– Про обкатку танками не забыли? Как Лешка наш залег на дно окопа, закрыл наглухо голову руками, орал благим матом, не хотел вылезать? Вот смеху-то было! Втроем выталкивали его!..

– А как метали гранаты? Паша кинул, рука сорвалась, граната улетела всего метров на десять, осколки над головами свистели. Взводный приказал Пашу близко к огневому рубежу не подпускать, велел нарезать ему деревянных чурок, тренироваться в сторонке.

А на память Рэму пришло схожее. Только из его суворовского прошлого. На занятиях по тактической подготовке им показали, как обращаться с взрывпакетами. Санька Белоусов чиркнул, поджег фитиль и, как малое дитё, смотрел на то, как, шипя, горит шнур.

Жора Васильев не выдержал, как заорет: «Бросай! Бросай!». А Санька, медленно поднимая глаза, в ответ ему: «А?». Руку он едва успел разжать, как рвануло. Кожу с ладони содрало, лицо опалило. А не успел бы Санька ладошку раскрыть, остался бы без кисти. Долго потом смеялись, вытирая слезы. И смех и грех...

– Рэм, помнишь, как пожар на складе боеприпасов тушили?

Ему ли не помнить? Не в тот ли день появились у него первые седые волосы? Юрка Пашутин стоял на посту. Баловался, кидал он горящие спички в тополиный пух. Нашел себе детскую забаву...

...Выездной караул. Учебный центр. В лагере больше никого, кроме наряда по парку, их караула и прапорщика, дежурного по учебному центру. Шел десятый час вечера. Серело...

Вместе с отчаянной трелью телефонного звонка в караульное помещение ворвалась тревога. О ней еще не высказались вслух, но она незримо уже заполнила все пространство. Неурочный выход на связь часового обычно ничего хорошего не предвещал.

– Пожар на посту! – пыхнуло страшной бедой из трубки.

– Караул, «В ружье»! – машинально скомандовал Рэм. – Пожар на посту! – добавил он для пушей ясности. – Володя, на связи!

Весь караул-то состоял из четырех человек. Один пост. Три караульных и начальник караула. Негусто...

На ходу заряжая оружие, закрывая глаза на нарушение Устава, они похватали огнетушители. Никульский остался на охране и на телефонах. О чрезвычайном происшествии Рэм приказал никому не докладывать. Слишком подозрительным показался ему голосок Пашутина. Не сам ли Юрок дел натворил. Сперва хотелось во всем разобраться, не навредить бы в спешке ненароком парню...

Вдвоем рысью, грохоча сапогами, летели к парку. Пылала сухая трава, огонь хищно подбирался к хранилищу, жадные рыжие язычки лизали деревянные ворота. Если они загорятся, то...

Бедолага Пашутин лопатой из пожарного щита отбивал атаки песком, присыпая им очаги. Дневальные по парку поливали огонь из огнетушителей. Да много ли толку от них, баллонов с пеной, в жаркую пору, когда все вокруг высохло до самого земного ядра.

Огнетушители быстро выдохлись и, плюнув напоследок ржавой стружкой, заткнулись. Отбитый в одном месте, огонь копил силу на другом краю и, подгоняемый ветерком, набирал скорость.

– Дрова! – мрачно сплюнул Серега Беляев, посыльный при дежурном прапорщике. – Приехали. Сгорит к чертовой матери.

Все понимали, что дело – труба. И помочь им никто не в силах. Хоть звони, хоть не звони. Покуда из города приедут пожарные, одни головешки останутся. После того, как рванут боеприпасы.

А чему дружно рвануть, на складе лежало в избытке. Битком набит был он взрывчатыми веществами. Пиротехнические средства для имитации. Патроны, боеприпасы для АГС-17, автоматического станкового гранатомета. Всего и не перечислить.

– Я нечаянно, я нечаянно... – жалко скулил Юрка Пашутин, одновременно мужественно защищая ворота.

Доигрался он. Не успел притоптать вспыхнувший пух, понесло пламя ветерком, побежали проказливые огоньки во все стороны, озоруя и расширяя круг, злорадно надсмехаясь над часовым.

– Надо что-то делать, Рэм, – суетливо топтал траву ногами Вова Полуэктов. – Надо что-то делать, не стоять!

Треба щось робыты. Конечно, Рэм прекрасно это понимал. За все придется отчитываться именно ему. Точнее, держать ответ на пару с Пашутиным. В любом случае, за все ответственный начальник караула. В вину ему инкриминируют и то, что он сразу не сообщил о пожаре по команде. Хоть оно практически ничто и не меняло...

– Печать, Юрка, стереги! – пошутил Рудь, сбивая пламя снятой с себя хлопчатобумажной курткой.

Сказал, как бы в насмешку, но, по сути, Андрей был прав. Весь охраняемый объект мог дотла сгореть, но если останется в целостности и сохранности фрагмент двери с нетронутым слепком печати, никто не сможет обвинить часового в том, что тот проник на склад, похитил ценности и, замечая следы, все поджег.

– Вынь «краник» из штанов, лей! – зло кинул Витя Щербаков.

– Иди ты! – угрюмо огрызался Юрка, живо перебегая на другое место, где огонь, воровато озираясь, подобрался к стенам.

Их собралось у склада по кругу семеро, но силы-то оказались неравными. Голыми руками им огненную стихию никак не одолеть. Рано или поздно она одержала бы над ними победу, отпраздновала бы грандиозным фейерверком, салютуя в честь разгильдяйства...

– У заправки стоит поливальная машина, – будто проснувшись, заявил Витя Шпак. – Я слышал, что она завтра пойдет на огороды. У меня е отмычка. Я трошки пробовал, заводил...

– И кому ты раньше молчал? – чертыхнулся Игорь Коломийцев.

Впрочем, и так все и все поняли. Витек, будучи дневальным по парку, залез в машину, слегка нарушил пару положений Устава. Побоялся парнишка, что и на него могут «бочку покатить».

– Бегом, гони ее сюда! – округлил глаза Серега Пустовит.

– А як бы опосля...

Нерешительно переминаясь, Шпак давал ясно понять, что не имеет большого желания брать на себя ответственность.

– Давай, давай! Теперь я за все в ответе! – Рэм усмехнулся.

Из двух зол ему лучше выбрать меньшее. Если склад удастся им отстоять, отвечать за остальное станет намного легче.

– Не стоять, не стоять! Отсекай огонь от склада!

С помощью техники им удалось справиться. Мощные водяные струи придавили языки пламени, заставили отступить, выдавили коварного супостата на выжженную полосу, где тот выдохся.

– Ух, зараза! – Шпак рукавом вытер пот с лица. – Думал, щось ничего не выйде.

– Печать целая! – доложил Юрка Пашутин.

Покусывая нижнюю губу, начальник караула обошел весь склад. Охраняемый объект не пострадал. Однако на прилегающей к нему территории остались следы пожара. От них хотелось бы избавиться. Чтобы ни у кого не возникало излишних вопросов.

– Витя, заправь агрегат водой... – распорядился Рэм.

После недолгого раздумья, он расчертил границы, где черный дерн следовало заменить на новый, а где просто снять, расчистив площадку от гари. Работали они всю ночь и весь день...

Выслушав очередную байку Баталова, Сашка поднялся.

– Я пойду...

– Место свободно, – ткнул пальцем Костик. – Оставайся. Что ты забыл среди едущей в плацкарте серости? Твое место со мной. Мы должны держаться вместе. На кой ляд тебе сдался Валишев? Он из быдла, из скотского стада. Быдло всегда быдлом останется...

Увесистый кулак Григорьева угрожающе сжался. Казалось, еще одно слово, и Сашка приложится от всей души.

– Сволочь ты, Баталов. Как родился ты сволочью, так сволочью и вырос. Жалко об тебя руки марать...

Посланная с силой дверь с грохотом закрылась. Костик нервно поежился. Душевного дискомфорта ощутимо прибавилось. Рука сама потянулась к бутылке. Оставшись один, он испугался. Ему показалось, что все его бросили. Жена. Друзья. Нет, друзей у него, если честно, то не наблюдалось. Имелись приятели...

Несмотря на бурный протест со стороны девушки, Бобов за руку бесцеремонно тащил ее по коридору, считая, что возникшего между ними знакомства за чашкой чая вполне уже достаточно для того, чтобы не обращать внимания на ее чувства и желания.

– Вот и мы! – торжествующе улыбнулся Вова, и Баталов облегченно вздохнул.

Нет, он не остался один. Жизнь продолжается, и надо по самой полной программе пользоваться удобным моментом.

– Наливай! – подмигнул он Вове.

– Леночка, до дна, до дна! – Бобов чуть ли не силком заставлял девушку пить, а Костик же тем временем за спиной проводницы, нехорошо ухмыляясь, в стакан с «Пепси-колой» вливал коньяк.

– Ух! – раскрасневшаяся девица схватилась за протянутый ей стакан со сшибающим с ног коктейлем.

– Между первой и второй промежутки небольшой! – с коварной улыбочкой провозгласил Баталов.

И Леночка покорно приняла посудину. В голове у нее шумело, появилось ощущение легкости и простоты в общении с почти незнакомыми ребятами. Отлетели в сторону робость и смущение, их она всегда прикрывала напускной холодной строгостью.

– Какая я стала вся пьяная! – тоненько хихикнула девушка, будто вовсе не замечая того, что вороватая мужская рука забралась под форменную рубашку и втихари шарил по ее телу.

Не пожелала она обращать внимания на сущий пустячок.

– Леночка, у тебя чудные ямочки, когда ты улыбаешься! – Костик жаркими губами дотронулся до ее пухленькой щечки.

Не встречая сопротивления, он ладонью накрыл трепещущую грудь, сдвинув в сторону чашечку лифчика.

– За них надо выпить! – Бобов вновь протягивал наполовину наполненный стакан. – За ямочки, за ямочки!

Пока Леночка пила, Баталов неторопливо расстегивал пуговицы на ее рубашке. Он не боялся того, что его оттолкнут, что деваха начнет возмущаться. Костик считал себя знатком людских душ, полагал, что тонко разбирается в человеческой психологии.

Еще во время посадки он заметил, как проводница смотрит на него и на Миру заискивающими глазками. Хозяйка вагона чутко распознала в них представителей высшей элиты, к коей он себя с некоторых пор небезосновательно причислял.

Негромко щелкнула застежка бюстгальтера, тонкие ляпочки соскользнули с полноватых округлых плеч. Высвобожденные из плена туго налитые груди тяжело колыхнулись.

– Ух ты! – Бобов широко раскрыл восхищенные глаза.

– Иди, погуляй! – сердито шикнул на него Баталов. – Не мешай!

Не дожидаясь повторного приглашения покинуть сцену, Вова скромно удалился, притворив за собой дверь.

Ему не привыкать к пренебрежительному отношению. Он свое доберет. Дружба с Баталовым дала ему многое. Все их товарищи едут в плацкарте, а он – в спальном вагоне. Разница есть...

Уходя, проводница оставила дежурное освещение. Тусклый свет отбрасывал блеклые тени на лицо сидящего у занавешенного окна молодого человека в новенькой лейтенантской форме. Хотя, по внешнему виду, по много повидавшим глазам ему давали далеко за двадцать. Несколько старовато выглядел парень для выпускника военного училища. И, в самом деле, Шустрик через пару месяцев готовился отпраздновать юбилей, свое двадцати пятилетие.

До поступления в высшее артиллерийское училище Ваня успел отслужить срочную, и года его неуклонно поджимали. Он оказался старше своих однокурсников почти на четыре года.

– Ванька, ты не знаешь, – в узкий проем приоткрытой двери просунулась всколоченная голова парня в расстегнутой до пупа защитной рубашке, – хозяйка наша на водку, случаем, не богата?

По всей видимости, ребята так разогнались, кидая по сторонам один за другим громкие тосты, что горячее в баках иссякло.

– Она, – уклончиво протянул Шустрик, – понимаешь...

Хитрый делец не желал, чтобы товарищи его прознали про то, что проводница из-под полы втридорога торгует спиртным, коим он ее сам и снабдил. Он намеревался остаться в стороне.

– У нее есть... Но она дорого просит...

– А... – лейтенант пренебрежительно махнул бесшабашной рукой. – Плевать на наши рубли! Скоро марками начнем получать!

Пряча радостно блеснувшие глаза, Ваня прикрыл их ладонью.

– По пятнадцать рубликов... – Шустрик извлек из-под полки бутылку и завлекательно повертел ее в руке.

– Плевать!

Кинув на столик смятые червонцы, парень, держа в каждой руке по три пузыря, покачиваясь, зашагал по проходу.

– Дурни! – злорадно усмехнулся Иван.

Смахнув денежки со столика, он быстренько спрятал купюры в кармашек, для большей надежности и полной сохранности вшитый в семейные в узкую светлую полоску сатиновые трусы.

– Процесс у нашего маклака, вижу, пошел? – поинтересовалась вернувшаяся женщина лет пятидесяти с поблекшим и затасканным в дорогах лицом со следами остаточных похмельных явлений.

– Еще как пошел! – Шустрик довольно осклабился.

Нисколько не покорило Ваню то, что его открыто обозвали спекулянтом. Еще в бытность свою старшинскую он умудрялся толкать на рынке солдатское мыло, наволочки и простыни...

– Ну и чудно! – на женском лице проступила улыбка. – Сейчас мы на пару продолжим растить нетрудовые доходы...

С каждой проданной бутылки Евдокия Тарасовна имела свою долю в два рубчика. Поначалу женщина отнеслась к предложению своего чересчур предприимчивого пассажира с вполне объяснимым и имевшим быть место скепсисом:

– Ты имеешь наглость толкнуть водку друзьям за три цены?

– Они мне не друзья. Если на плечах нет головы, то...

В двух словах Шустрик обрисовал стоявшей у вагона толстой тетке всю намечающуюся картину. В дороге парни все опустошат, так или иначе, начнут искать спиртное, суматошно бегать по всему составу, ломиться в служебные купе давно спящих вагонов. В итоге они пойло найдут, но оставят гроши чужому дяде.

– Соображаешь, – Евдокия Тарасовна одобрительно хмыкнула.

По большому-то счету, возникающие промеж молодых людей взаимоотношения лично ее ни с какого боку не касались. Свою личную выгоду она блюла, остальное – не ее забота.

– Те що, – лукаво прищурилась она, – мало платыты?

– Деньги лишними не бывают...

Изобразив на лице значимость, Иван многозначительно качнул коротковатым и покрытым волосиками указательным перстом. У него впереди намечались приличные расходы, поэтому он и решил толкнуть два ящика водочки, чтоб создать для себя определенный задел. В Киеве, если все сложится, как он задумал, Шустрик хотел прикупить, а потом спекулировать еще четыре ящика.

Моральная сторона вопроса Ваньку нисколько не беспокоила. Почти всех учившихся вместе с ним ребят он недолюбливал и в основной своей массе презирал. Пока Шустрик рев-

ностно исполнял обязанности старшины курсантской батареи, он частенько и вполне откровенно издевался и измывался над простыми курсантами, над теми, в коих не чувствовал способности и силы к отпору.

Конечно, к концу третьего курса ситуация в корне изменилась и не в лучшую для него сторону. Пришлось Ванечке поменять всю тактику и стратегию. Шустрик не гнушался и тем, что кое перед кем заискивал, подхалимничал, ища в них поддержку и опору.

И все едино на выпуск он не пошел из-за предохранительных побуждений. Боялся Ванька, что «начистят» ему рыло от души его друзья-товарищи по старой памяти...

Вернувшись в свой вагон, Григорьев нашел Рэма не сразу. Он прошелся из одного конца в другой, случайно заметил друга, когда проходил мимо купе проводников. Дверь неплотно прикрыли, и через тонкую щелку Сашка увидел Рэма, сидящего с отрешенным лицом напротив миловидной девушки, увлеченно повествующей.

По неподвижно застывшему лицу Валишева представлялось затруднительным, не зная его одной особенности, сказать, что он уже порядком выпил. Выдавали его слегка стекленеющие глаза, которые теряли обычно присущее им живое тепло и подвижность.

– Садись, Саша, – Рэм устало улыбнулся одними уголками губ, – составь нам компанию. Анюта очень интересно рассказывает о своей студенческой жизни. Оказывается, мы еще сколько не знаем о том, как живут другие...

Темнело. За окном пролетали огни. Стучали колесные пары. По коридору, переходя из одного вагона в другой, шастали молодые лейтенанты. Разгоряченные воспоминаниями и непрекращающимся застольем, они докатились до той самой кондиции, когда возникает непреодолимое желание искать себе на одно место приключения.

– Не желает ли милая дама присоединиться к нашему шалашу? – в приоткрытую дверь просунулась любопытствующая голова.

В ответ девушка вздрогнула, отодвинулась в уголок.

– К сожалению, – Рэм окинул товарища чуточку насмешливым взглядом, – Анна Васильевна уже ангажирована нами. Ты, брат, увы, чуточку опоздал. Приходите завтра...

– Засада...

Озадаченно потоптавшись возле двери, молодой человек тяжело и разочарованно вздохнул. Его делегировали к проводнице друзья-товарищи, которые заскучали в чисто мужской компании. Они пребывали в уверенности, что девушка охотно присоединится к ним. А дальше – дело техники. Облом приключился с той стороны, откуда не ждали. Нашлись среди них люди более проворные и шустры, наложили свою лапу на общественное достояние.

– Наш пострел везде поспел... – лейтенант нахмурился.

Но не затевать же ему выяснение отношений с товарищами из-за первой попавшейся им на глаза смазливой бабенки.

– Глянем в соседнем вагоне...

– Машинку для закатки губ прихвати... – напутствовали его.

Напившись вдоволь крепкого и горячего чая, Григорьев ушел спать, оставил их одних. Рэм все слушал и изредка плескал себе в стакан из непонятно которой по счету бутылки. Лицо его мрачнело, а взгляд тяжелел. Но его суровость Анюту несколько не пугала.

Несмотря на то, что лейтенант о себе почти ничего не сказал, ей казалось, что она знает его уже давно. У нее появилось ощущение того, что между ними установилось тесное взаимопонимание, граничащее с духовной общностью, которая неизменно переходит в близость. Поначалу в духовную, а потом и в физическую.

Требовался легкий толчок. Кому-то из них двоих надлежало сделать первый шаг. Девушка надеялась на то, что инициативу возьмет на себя представитель сильного пола. Время шло, а Рэм ничего не предпринимал.

– Отвернись к окну, я переоденусь... – подталкивая события, негромко произнесла проводница.

С нерешительным колебанием, Анюта медленно распахнула рубашку, скинула ее. Заведя руки назад, она отстегнула застежку бюстгалтера, не сразу сняла его. С внутренним волнением ждала, что сейчас, поднимаясь, шевельнется за нею надвигающаяся тень, мужские руки возбуждающе опустятся на ее плечи и...

Не дождалась Анюта. К ее разочарованию, лейтенант даже не шелохнулся. Привычными движениями она быстро стянула вниз юбку, выпрямилась, чуточку помедлила.

– Можешь смотреть, – разрешила девушка, накинув на себя халат. – Ну, как тебе? – она кокетливо присела, выпрямилась.

– Хорошо, – кивнул парень головой. – Как дома...

На самом деле, Анюта будто стала другой, намного ближе. От ее внешнего вида повеяло чем-то подзабытым, но странно родным. Внутри все задрожало. Помимо его воли все мужское существо потянулось к живительному женскому теплу.

– Тебе плохо, я вижу... – девичье дыхание приблизилось. – Забудь обо всем. Я тоже этого хочу... – узкая ладошка с жалеющей лаской опустилась на лицо Рэма, тонкие пальчики пробежались по его осунувшимся скулам. – Ты такой хороший...

Второй рукой девушка приспустила халатик с левого плеча, обнажая матово-белую грудь.

– Анюта, – глуховато произнес он, – понимаешь, глупостей не следует делать, даже если очень плохо. Ты хорошая. Но так нельзя поступать, это не по правилам...

Сильные мужские ладони перехватили тонкие кисти, бережно сжали их, поднесли к раскрывшимся губам.

– Ты хорошая, Анюта. У тебя все еще будет. Не стоит тратить свои чувства на ничего не значащие и ни к чему не обязывающие встречи. Но если тебе невтерпех, – Рэм иронично усмехнулся, – ты выйди, свистни, и к тебе мигом выстроится очередь...

Будь он трезвым, парень это не сказал бы, объяснил бы немного по-другому, более тактично и деликатно. Но...

– Что?!

Расширив глазки, девушка в ужасе отпрянула, передернула плечиками. Перспектива оказаться безвольной игрушкой в руках десятка-другого молодых самцов без всякой надежды при желании остановить плотское безумие ее не прельщала. Не похоть владела ею, а желание подарить сидящему напротив нее человеку радость и кусочек нечаянного счастья. И что она получила в ответ...

– Я не думала, что ты можешь быть жесток!

До Рэма дошло, что своими словами он мог сильно обидеть милую девушку. А она обиды от него не заслужила.

– Прости, Анюта...

Приблизившись к ее губам, он позволил себе один поцелуй, долгий, чувственный и одновременно целомудренный. Потому как за ним ничего не последовало.

– Жестока, Анюта, сама жизнь. А я лишь сказал, как есть...

Прикрыв глаза, девушка тяжело вздохнула:

– Станный ты какой-то, Рэм...

Никак она не могла его понять. Другой на его месте без всяких раздумий охотно воспользовался бы ее предложением. С радостью принял бы ее щедрый дар.

– Не такой, как все...

Растирая ладонью наполненную едким сарказмом усмешку, лейтенант глухо проронил:

– Таким уж, Анюта, уродился...

Почти до самого утра он нежно поглаживал доверчиво к нему прижимающееся девичье тело, охраняя ее покой.

– Ты еще найдешь свое счастье, Анюта... – прошептали его губы, а левая щека судорожно задергалась.

У кого-то все еще впереди, а он свое счастье проворонил.

– Кар! Кар! – передразнил парень сам себя. – Ворона...

Когда в вагоне все стихло, Рэм залпом допил остатки водки, покачиваясь, пошел к своей полке, взобрался на нее и провалился в тяжелое забытие...

Глава вторая

Поток

1

Каждый год десятки высших военных училищ и больше сотен военных кафедр при гражданских учебных заведениях выпускают тысячи и тысячи молодых лейтенантов.

Быстро и незаметно пролетает первый лейтенантский отпуск, и вся эта бурлящая энергией и кипящая молодостью масса начинает движение к новому месту службы.

Как ранней весной, когда небольшие ручейки талой водицы собираются, исподволь набирают силу и постепенно превращаются в один мощный и стремительный поток, так и молодые лейтенанты, направляющиеся со всех концов необъятной страны, собираются в определенных местах. И, скопившись, непрерывным потоком едут они с конца июля и весь август. Все едут и едут...

Одни ребята направляются к конкретному месту назначения, а другие – в распоряжение командующих округов и Групп войск.

Единицы заранее прекрасно знают о том, что их ждет в войсках. У них жизнь четко написана далеко вперед. Их начальствующие родичи заранее все продумали и спланировали...

А основная масса молодых офицеров-выпускников, большая часть их, едет в неизвестность, совершенно не представляя себе то, куда они, в конце концов, попадут, в какую именно часть и, что самое главное, на какую именно должность...

Составной частью потока, его малой, ничтожной крупинкой был лейтенант Рэм Валишев, следовавший в поезде, направляющемся в сторону столицы Украины. Двигался он в числе немалой воинской команды, разместившейся в нескольких вагонах.

Ехал он не один, а со своим неразлучным другом Мишкой, с бывшим подчиненным и хорошим товарищем Жекой Малаховым и, конечно же, с давним своим приятелем Сашкой.

Григорьев-то и числился заводилой и инициатором всей затеи отправиться после выпуска служить в Германию.

Чутьочку «уставший» после так и несостоявшихся накануне проводов, Рэм мертво лежал на своей верхней полке, куда он упал, добравшись лишь под самое утро, и не подавал признаков жизни. И не понять: или ему невыносимо плохо, или ему просто уже ничего не хотелось...

Переглядываясь между собой, Сашка и Мишка с тревогой в глазах смотрели на своего товарища, крайне тяжело переживавшего неожиданный разрыв отношений с обожаемой им женой.

– Рэм, вставай, скоро подъезжаем, – Григорьев приподнялся и принялся трясти друга, пытаясь привести его в чувство.

– Уже? – тяжелая голова оторвалась от подушки и уставилась на них тусклыми, безразличными ко всему глазами.

Если бы, расплывчато читалось в мутном взгляде Валишева, его оставили в покое, вышло бы куда как намного лучше. Ехать, безостановочно двигаться и ни о чем не думать...

– Рэм, приятель, сколько ты вчера выпил? – спросил его Сашка, помогая товарищу спуститься вниз.

Пошатываясь, молодой лейтенант попытался вспомнить. Но не смог. Начали пить в спальном вагоне, продолжили в плацкартном. Следом затянувшиеся посиделки в купе у проводницы Анюты...

– М-м-м... Не знаю, я не считал. Какое это, черт, сейчас имеет значение? – на его бледном лице отразилась мука.

Нагнувшись к целлофановым пакетам, он извлек неполную бутылку «Столичной».

– Смотри-ка, – парень встряхнул ее, – как нам повезло. У кого-то вчера хватило ума оставить и на опохмел...

Побулькивающая жидкость, минуя стакан, заливалась прямо с бутылочного горла. Тут уж не до этикета и не до приличий...

– Рэм, тебе крупно повезло, что твоя Дина ничего не видела, – укоризненно покачивая головой, Сашка попытался, было, забрать у него бутылку. – Ты набрался вчера выше ватерлинии...

– Не трогай, Саша, – Валишев отвел его руку, – не надо. Я прекрасно осознаю, что делаю...

Угрюмо нахмурившись, он, наконец, воспользовался посудой, налил себе четверть стакана и залпом выпил.

– Рэм, – Григорьев не оставил попыток его урезонить, – Дине такое кино точно не понравилось бы.

– Запомните! У меня нет, у меня больше нет жены, – лейтенант весь передернулся. – Не напоминайте мне больше о ней.

Взяв с полочки казенное полотенце, он, покачиваясь, пошел в конец вагона умываться.

– Миша, скажи, что у них произошло? – озабоченно спросил Григорьев. – Они безумно любили друг друга...

И ничто, по его мнению, не предвещало столь неожиданной и трагичной развязки.

– Я и сам ничего не могу понять, – Спивак недоуменно пожал плечами. – Ты, гм, его знаешь. Если он, гм, не захочет говорить, то и пустого словечка из него клещами не вытянешь...

В двух словах он пояснил, что на все вопросы друг всякий раз отвечает, что они с женой поссорились и все. А что у них и как произошло, попробуйте сами пеше до Киева идти.

– Кажется, догадываюсь, – задумчиво произнес Сашка. – Дина с самого начала противилась тому, чтобы он ехал вместе со мной... А другой разумной причины я просто не вижу.

– Дела... – Мишка озадаченно моргнул. – Но в таком случае, гм, все очень серьезно. Идет. Посмотрим, гм, что он нам скажет...

Пробравшись по узкому проходу сквозь кругом бесцеремонно торчащие ноги, Валишев окинул подозрительным взглядом парочку заговорщиков, внезапно притихших при его появлении.

– Что, орлы, сразу примолкли, а? Все косточки, небось, мне перемывали? Нашелся подходящий повод? – Рэм достал бутылку и прилично плеснул в стакан. – А, будем жить, – кисло поморщился он и одним глотком все осушил.

Молча, парень отвернулся к окну и больше ни одного слова не проронил. Так и смотрел Рэм перед собой своим отсутствующим и неживым взглядом.

И лишь отражались в стекле его застывшие, наполненные болезненной пустотой большие черные глаза...

Киев. Пересадка... До поезда в сторону Бреста оставалось чуть больше шести часов. Прихватив с собой Малахова, Григорьев и Спивак ушли в город. Рэм остался. Не желал парень бродить в том подавленном и разобранном состоянии, в котором он пребывал, по незнакомому городу. Хотелось одного – тишины и покоя.

Крещатик и Майдан он уже видел. И поездкой в метро его тоже сильно не удивить. Следовало ему хотя бы пару строчек черкнуть двоюродному брату. Поделиться свалившимся на него огромным горем с оставшимся последним близким и родным человеком.

До сих пор он считал, что у него самых близких людей двое. Выходит, что в устном счете он сильно ошибался. К несчастью...

Сидя посреди незнакомой ему обстановки, рассеянно глядя на царящую вокруг него суету, он вдруг понял, что прошедшая ночь и пройденное поездом расстояние отдалили его от той самой черты, за которой осталось его счастье, позволили взглянуть на самого себя со стороны, совсем другими глазами.

Четыре года, невыносимо трудных, но наполненных безмерным счастьем четыре года пролетели, остались далеко позади, куда ему возврата, увы, нет. Сказка жизни оборвалась.

Его добрая фея, будто заколдованная злобным карликом, в одно мгновение отвернулась от него и забыла о его существовании.

– Ах, Дина-Дина... – беззвучно прошептали его пересохшие губы. – Что же мы с тобой натворили...

Сожгли они безоглядно все мостки. Как ни трудно, но придется привыкать жить одному, как жил до встречи с нею. Боль стихла, постепенно отступала, становилась все глуше и меньше. А на ее месте воцарилась холодная пустота.

Сотни людей живут на земле, не зная любви, и ничего. Как-нибудь протянет и он. Не он первый, не он и последний...

За все хорошее в жизни когда-то, как-то, а все ж приходится расплачиваться. Слишком уж хорошо они с ней жили, без оглядки любили друг друга. Многие им сильно завидовали.

Вот и дозавидовались. Скрипнув зубами, он горько усмехнулся. Другие-то остались при своем. А их любовь, такая нежная, такая трепетная и беззаветная любовь сгорела в собственном пламени.

Помнится ему, подполковник Алексеев говорил, что одними страданиями делу не помочь. Надо преодолеть себя, забыть все, что осталось позади, строить свою жизнь заново. И приступать след немедля. Через день, через два предстоят серьезные дела. Пора ему взять себя в руки.

– Забыть, – усмехнулся он, усиленно потирая скулу ладонью, – перечеркнуть. Начать все с нового листа...

Когда товарищи его вернулись, они снова немало удивились разительной перемене, произошедшей с их другом. Уже и не чаяли парни увидеть перед собой такого, как и прежде, Рэма, стройного и подтянутого, с твердым и волевым, чуть насмешливым взглядом.

Может, глаза у него выглядели еще пронзительнее, добавилось немного горьковатой иронии в голосе:

– Ну, что нового нашли, други мои, в граде Великом? Водку у них, надеюсь, уже продают? У нас, в России, открывают с двух часов... И люди давят друг друга за то, чтобы, отстояв час-другой, взять в одни руки две бутылки и с горя и отчаянья от всей собачьей жизни пойти и распить их без всякого вкуса и без смысла, – Рэм на секунду задумался и добавил:

Умение пить не всем дано.
Тот не умеет пить вино,
Кто пьет его
Без вкуса и без смысла...

Снова грусть и печаль скользнули в его глазах. Скользнули и, растворяясь, быстро пропали. Рэм безжалостно подавил их в себе.

– Что, мушкетеры, скажете? Какие у нас планы на будущее? Мне, кажется, я вчера кое-что упустил, – он, извиняясь, развел руками. – По, так сказать, техническим причинам... – иронично скакало озорными бесенятами в его извиняющейся улыбке.

Уладив все вопросы с билетами, Баталов направил свои стопы к переговорному пункту. На душе у него отчаянно скребли дикие кошки. Он с трудом заставил себя подойти к окошку.

Не столько его мучила совесть, сколько он боялся услышать язвительный голосок дражайшей супруги. Домашний телефон не отвечал. Костик попросил набрать другой номер. Пошли гудки...

Подняв тяжелую голову, Славка мучительно поморщилась и вслепую нащупала заливающуюся трелью трубку.

– Аллю, – бесцветным голосом произнесла она. – Я слушаю...

Ошеломленный Баталов pokrылся холодным потом. Он узнал голос жены, его характерные интонации.

– Мира! – выдохнул он, будто бросился в ледяную прорубь. – Как хорошо, что я тебя застал. Обзвонил всех друзей...

Боясь остановиться, Баталов говорил и говорил, не давая жене времени на то, чтобы «врубиться». Помогла проснувшаяся Ната.

– Ты с кем там говоришь? – зашевелилась хозяйка, и до Славки дошло, что ночевала она не у себя дома.

По ее лицу медленно расплывалась недоуменная улыбка.

– Ты куда стучишь? – спросила она в трубку.

Ей стало смешно. Муж звонил своей любовнице, а трубку сняла она. На миг представила себе лицо мужа и громко расхохоталась.

– Говори с ним сама!

По сонному лицу Наташи пошли красные пятна. Она бросила трубку на подушку, оглянулась на Славку, приставила палец к виску, крутанула им, покачала головой и испарилась из комнаты.

– Баталов! – девушка смешливыми губками дотянулась до микрофона. – Конец связи! Ваш абонент не отвечает!

До Костика дошло то, что он сморозил очередную глупость. Вместо того чтобы просто промолчать и не отвечать, дать «отбой», он выдал себя с головой и со всеми потрохами. Он еще больше все запутал. И главное – он так и не узнал, в каком свете подала Мира их размолвку своему приемному отцу Мартову...

Если бы Баталов ведал, что генералу в настоящий момент вовсе не до его скромной особы, то успокоился бы, пришел бы в себя и перестал бы переживать по тому, чего еще нет. Но именно в том-то и состояло коварство Славки, которая своим иезуитским поступком загнала мужа в угол жестокого отчаяния и полной безывестности.

– Ты расскажешь Владлену? – Наташа, обтираясь полотенцем, прищурила испытывающий левый глазок.

Хоть она и показывала всем своим видом, что ей безразлично то, что произойдет в таком разе, в душе она сильно переживала.

– А зачем? – Славка томно потянулась. – У *papa* своих проблем выше крыши. Зачем ему еще и моя головная боль...

Поболтав в воздухе беспечными ногами, она перевернулась на спину, провела пальчиком по губкам. Если папа Владлен займет зуб на Баталова, то запросто может погнать его из Группы войск. А подобное развитие ситуации в ее планы не входило.

При обсуждении вопроса, куда направиться служить Баталову по распределению, о внутренних округах не говорили. Выбирали между Германией, Чехословакией и Венгрией. Про Польшу речь даже не шла. Мартов настоял на ГСВГ.

– Славка, пусть он едет в Германию... – авторитетно заявил генерал. – За пять лет дослужится до должности подполковника. С нее поступит в Академию. И уже после учебы, получив солидную должность, вы поедете в Венгрию или в Чехословакию...

Мнения самого Баталова никто не спрашивал. Ему оставалось, как солдату, отдать честь и ответить: «Есть!» Он приготовился ехать туда, куда пошлет его Родина в лице Мартова...

Стоило Славке вспомнить о приемном отце, как снова звякнул телефон и опять по ее душу.

– Тебя Владлен разыскивает, – крикнула Наташа. – Что ему передать? Ты будешь с ним говорить?

– Нет, – Славка поморщилась. – Скажи ему, что все прекрасно. Пусть не переживает за меня.

Ей требовалось время, чтобы определиться, разобраться, по крайней мере, с самой собой, со своими чувствами и отношением к происходящему с нею, Баталовым и Натой.

– А где сейчас Владлен? – поинтересовалась хозяйка. – Связь до ужаста мерзкая, будто звонили с того света...

– Он собирался выехать в Гвардейское. Наверное, сейчас он на даче... «окучивает» новый объект.

Пряча смеющиеся глаза, Славка отвернулась. Генерал был тот еще ходок. При случае ни одной юбки мимо себя не пропускал. И тут она попала в точку. И в общем, и в частности...

...Дашенька проснулась и с интересом оглянулась. По роду своей деятельности ей частенько приходилось ночевать не в своей постели и на чужих простынях.

– Не дурно устроились! – хмыкнула она. – Слуги народа...

Случалось, она спала и не одна, а с очередным мужчиной. Однако назвать ее неразборчивой язык не поворачивался. Она знала себе цену и по мелочам никогда не разменивалась. Всегда ставила она по-крупному. И почти всегда Даша добивалась своего. Потому что девушка умела играть по тем правилам, что ей предлагали.

Иногда она чуть жульничала, ходила по самому краю, играла на грани фола, но ей многое прощали за ее прекрасные глазки...

Накануне они посетили городок, где строились дома для семей военнослужащих. Она охотно слушала Мартова, потому как и для нее обеспечение жильем являло собой животрепещущую тему.

Ради того она и затеяла интервью с генералом, чтобы ближе подобраться к нелегкому и архи сложному вопросу.

– А могла бы я каким-то образом получить квартиру от вашего ведомства, – улучив удобный момент, ловко ввернула журналистка.

– Надо подумать... – Мартов изогнул правую бровь. – Сейчас вам, Дарья Михайловна, сказать я точно не могу...

В ответ Дашенька понимающе кивнула головой. Ее проблему долженствует сначала проработать. Лишь тогда ей смогут что-либо обещать или отказать. Она знала, что у генерала есть одно неплохое качество – никогда не давать пустых обещаний.

Больше они к этой теме не возвращались. Ближе к шести часам вечера Мартов уехал в штаб, а она до сумерек провалялась на песчаном пляже, куда смертным вход строжайше запрещался.

За завтраком Даша продолжила задавать вопросы, чтоб полнее представить себе человека, о котором она собиралась тиснуть большую статью на развороте второй и третьей полос.

– Все свои лучшие качества вы, Владлен Сергеевич, я полагаю, унаследовали от своего отца? – журналистка прищурилась. – Если мне не изменяет моя память, он у вас был крупным политическим деятелем, воевал, дослужился до генерала армии...

Отставив в сторону утреннюю газету, Мартов посмотрел ей прямо в глаза, скупой усмехнулся. Его отец и крупный политический деятель. Слишком громко сказано. Хотя...

...К своим сорока годам Сергей Владимирович Мартов честно дослужился до капитанских погон. Точнее сказать, до одной шпалы старшего политрука в петлице. Погоны в 36-м году еще не носили.

Когда в 35-м году восстановили систему воинских званий, ввели свои различия для политработников: «младший политрук», «политрук» и «старший политрук», соответствовавшие общим воинским званиям «лейтенант», «старший лейтенант» и «капитан».

До больших залысин во лбу Сергей Владимирович дожил, а семьей не обзавелся. Затеялся человек по жизни, хотя начинал он круто и лихо. Еще в 19-ом году Мартова назначили комиссаром кавалерийского полка.

Комиссары в Красной Армии обладали огромными правами и привилегиями: комиссар не только мог, он обязан был участвовать в разработке, обсуждении и принятии планов боевых действий. Его права в отношении личного состава не уступали власти командира.

При подозрении в нелояльности беспартийного командира комиссар имел право принять на себя командование, отстранив командира от должности, а в случае необходимости арестовав его.

Необходимость обширных полномочий, конечно, имела место. Значительную часть командных должностей в Красной Армии на ту пору занимали бывшие офицеры царской армии, добровольно поступившие на службу, либо принужденные к ней военспецы.

Руководству государства требовались гарантии того, что эти командиры не смогут повернуть оружие против Советской власти.

С другой стороны, во многих случаях фактическое двоевластие приводило к негативным последствиям, поскольку комиссары, обычно не имевшие специального военного образования, попросту мешали командирам нормально управлять подразделениями.

С 1925 года должность комиссара отменили в тех частях и соединениях, которыми командовали командиры-коммунисты.

Партийные командиры одновременно считались комиссарами своих частей. Такому командиру полагался помполит – помощник командира по политической части.

Поскольку количество беспартийных командиров постоянно сокращалось, комиссаров также становилось все меньше. И Мартов попал под сокращение, не прошел переаттестацию. Постарался его комбриг Шматок, с которым Сергей Владимирович не ладил.

Мартова перевели в пехоту, назначили помполитом роты. Он случившееся с ним несчастье перетерпел, не пошел жаловаться. Жило в нем неистребимое чувство, что время его еще придет.

И вскоре Мартов дождался своего вождленного часа. Помогло Сергею Владимировичу давнишнее знакомство с самим Мехлисом, бывшим комиссаром их бригады, а затем и 46-й дивизии.

В 21-м Мехлис перешел на работу в должности управляющего административной инспекцией в Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции, где наркомом пребывал Сталин.

С 1930 года Лев Захарович занимал пост заведующего отделом печати ЦК, одновременно члена редколлегии, а затем и главного редактора газеты «Правда» и поддержать Мартова реально не мог или же элементарно не пожелал.

В 1937 году Мехлиса назначили заместителем наркома обороны и начальником Главного политуправления Красной армии. И тут Лев Захарович вспомнил о сослуживце, вызвал его к себе. Долго и пространно рассуждал о важных задачах, которые поставила перед ними партия. Потом он показал Мартову на длинный список:

– Эти люди мешают нам работать...

Многие фамилии Мартову ни о чем не говорили, но комдива Шматка он постарался охарактеризовать в самом «наилучшем» для того свете. Нашлось, что сказать о других командирах, с которыми Сергея Владимировича, так или иначе, сводила судьба.

– Поезжай, Сережа, в часть, присмотришь...

Через месяц Мартова восстановили в должности полкового комиссара. Судьба снова вознесла его наверх. Комдив Шматок при аресте застрелился. У него осталась дочь Надя шестнадцати лет. На правах старого друга семьи Мартов принял на себя заботу о сироте.

– Надо жить дальше, Наденька, – утешал он бедную девушку, крепко прижимая к себе, осыпая ее покрытое безутешными слезами личико вовсе не отцовскими поцелуями. – Доверься мне...

Через год они поженились. Вскоре родился мальчик, которого называли Владленом. К тому времени Мартов служил дивизионным комиссаром. В войну Сергей Владимирович вступил корпусным комиссаром. К концу 42-го года носил знаки различия армейского комиссара второго ранга, что соответствовало общевойсковому званию «генерал-лейтенант»...

– Мой отец ушел в отставку в 55-м в звании «генерал армии» и еще двадцать лет занимал высокие партийные посты...

Угодил Мартов в высшую партийную элиту по рекомендации Лазаря Моисеевича Кагановича, одного из двух-трех евреев, продолжавших оставаться у власти во все времена сталинщины.

Склонившись к блокноту, Дашенька припрятала от собеседника ироничную улыбку. Если в судьбе Сергея Владимировича Мартова принимали столь деятельное участие евреи, не имел ли и он сам по своей генеалогической линии в роду евреев. Кто его знает...

2

Оставив свои вещи на перроне, Шустрик рванул в город. Ему позарез необходимо было провернуть все свои дела в течение двух-трех часов и успеть вернуться на вокзал. Евдокия Тарасовна после проведенной вместе ночи утречком пообещала посодействовать ему. Женщина сама собиралась поговорить с проводницами поезда, что отправлялся до Бреста, чтоб они помогли Ванечке в торговле из-под полы водочкой во время дальнейшей поездки.

– О, баба! – Шустрик, вспомнив ее взгляд, поежился. – Змеюка!

Когда за окном потемнело, женщина прикрыла дверь.

– Наливай... – на ее полноватых губах появилась непонятная ему усмешка. – Чего застыл...

Не чокаясь, они выпили. Задернув шторку, Евдокия Тарасовна расстегнула пуговицы на форменной рубашке, распахнула ее, одним неуловимым движением вывалила пудовую грудь.

– Женат? – спросила она, стягивая юбку с мощных бедер.

– Женат... – ответил Ванька.

Сладко потянувшись, женщина огладила руками себя по бокам, перегоняя с места на место толстые жировые складки.

– И детки имеются? – женская ладошка приподняла левую грудь, любовно удерживая на весу бесформенную массу.

Уводя ошарашенные, смущенные глаза в сторону от бесстыдно раздевающейся перед ним далеко не молодой, потерявшей красоту и привлекательность женщины, Шустрик кивнул головой:

– Мальчик и девочка...

До него дошло, что не договорила хитрая бабенка, когда тонко намекала ему на то, что они сладятся. Именно возможную между ними связь проводница и имела в виду, когда согласилась на его предложение провернуть небольшое, но прибыльное дельце.

– Детки – это хорошо...

Выпятив огромный голый зад, Евдокия Тарасовна расстелила постель, кинула в изголовье подушку.

– От тебя, Ванюша, не убудет, – усмехнулась она. – А мне радость капнет...

Конечно, от него не ubyло. Пока еще бабенка сладко дрыхла, пуская слюнявые пузыри, Шустрик поутру пересчитал выручку. За вычетом доли хозяйки вагона у него набралось больше трех сотен навару, что составляло полторы его лейтенантские получки. Вовсе недурно у него вышло. Да и женщина в постели оказалась вполне. Он поначалу даже сомневался в том, что у него что-то получится, но Евдокия Тарасовна умело настроила его...

– А ты, Ваня, ничё, – женщина удовлетворенно зажмурилась. – Можешь бабе потрафить. А мы любим энто дело, хоть годы наши и ушли. И чем дальше они бегут, тем больше энтого хочется...

Разговорившаяся Евдокия, сама не ведая того, подтвердила давно крутящуюся в его голове мыслишку о том, что женщины в возрасте не меньше молодых бабенок жаждут плотской любви...

Подали состав. Носильщик подкатил тачку и раскидал ящики с водкой по трем вагонам, по два в каждый. После первой удачи Шустрик решил не мелочиться и прикупил сразу шесть коробок со «Столичной», разлитой по бутылкам с фирменной закруткой.

В том вагоне, где ехали ребята с его батареи, Ване в очередной раз места не нашлось, да он и сам благоразумно не стремился к тому и не лез к ним. Приткнулся Шустрик с хлопцами из 11-й роты, где на него никто особо косо и враждебно не смотрел.

Правда, полку ему выделили боковую, верхнюю, в самом конце прохода, возле общего туалета.

– Що тута мне спать? – моргнул он озадаченными глазами.

Скрипучая дверь ни на одно мгновение не закрывалась, то и дело хлопала, с толчка ощутимо тянуло зловонными ароматами...

– Извини, Ванька... – старший по их вагону развел ухарски ухмыляющимися руками, – иного не нашлось. Все, как по чину...

– А не нравится, иди к своим... – добавили со смешком.

– Они тебя в сортире определяют...

– Усадят на «царский» трон...

– Уважение и почет тебе окажут...

– За любовь твою и ласку к ним...

Пришлось Шустрику беззвучно проглотить жгучую обиду и кинуть свои вещи на указанное ему место. Толпа обладала силой, отныне ему неподвластной. Получив новенькие лейтенантские погоны, бывшие курсанты и их младшие командиры, все оказались по кругу равны...

– Еще посмотрим! – Ваня плеснул себе в стаканчик.

Через часик парень незаметно переместился в служебное купе, навел мостки с бабой Шурой, как величали их проводницу.

– Я вас всех еще буду иметь...

По крайней мере, пока он всех их имеет на деньги, втридорога толкая спиртное на глотку страждущим и по пояс бестолковым...

Утром подъехали к Бресту. Молодые лейтенанты выгрузились и сложили все свои чемоданы в одну огромную кучу. Определились с дежурством. Всего их доехало до границы сто двадцать с лишком человек. Рэму предложили, но он наотрез отказался командовать и управлять сборняком. Пожал плечами он и вполне резонно заявил о том, что теперь у них у всех на плечах одинаковые погоны, и каждый должен отвечать, прежде всего, сам за себя. Если у кого-то возникает горячее желание «поручить», то тому и все карты в руки.

Тем более, среди них крутился и Ваня Шустрик. Их бывший доблестный старшина батареи. Шустрику все время хотелось ими покомандовать, до зуда в ладонях. И он командовал ими. Правда, Ваню сейчас никто и слушать не желал. Как и общаться с ним.

Вот и аукнулись Шустрику те самые годы, когда он жесткой, безжалостной и зачастую несправедливой рукой наводил свой порядок в батарее, когда он простого курсанта за человека не считал.

И в общем строю на выпуске их Ваня не стоял, побоялся, что в отместку с ним могут учудить неладное, жестоко опозорить на глазах у всех присутствующих на торжестве...

В Бресте, у самой границы Советского Союза, в один могучий поток слились воинские команды, отдельные небольшие группы и офицеры, следующие в одиночку.

Железнодорожный вокзал кишел бравыми парнями в новенькой офицерской форме. От них рябило в глазах. С большим трудом удалось взять билеты на вечерний поезд.

– Ребята, я знаю, куда нам можно пойти, – с таинственно загадочной улыбкой на лице заявил им Сашка.

На исторических развалинах знаменитой Брестской крепости четыре «мушкетера» устроили «Совет в Филях». Понемногу они выпивали и помногу закусывали. И между делом, как полагается, речь вели. Рэм задумчиво слушал не в меру разгоряченного Сашку.

– Идея заманчивая, – наконец-то, высказался и он. – Попасть всем четверым в одну часть, – Рэм внимательно оглядел каждого из сидящих перед ним ребят. – Давайте, прикинем наши шансы. Ты, Саша, конечно, обязательно попадешь туда, куда стремишься...

Говоря об этом, Валишев невольно ухмыльнулся.

– Я думаю, что везде, где только можно, твоя личность давно взята на строгий контроль и учет.

– Ну, ты... как скажешь... – Сашка смущенно улыбнулся. – Хоть ложись, хоть падай...

– Как оно есть, так и есть. И нечего строить из себя невинную овечку, – Рэм озорно подмигнул. – Перейдем непосредственно ко мне. Если мне как медалисту предоставят право выбора, то я тоже смогу, возможно, без проблем пройти через все сита. А вот...

Разводя руками в сторону, Валишев скептически покачал головой. У некоторых товарищей, по его мнению, определенные трудности на тернистом пути к славе непременно возникнут.

– Я с вами в одну часть не пойду, – негромко заявил молчавший все время Малахов. – Имейте в виду...

Недоуменные взоры «мушкетеров» обратились в его сторону.

– Ты, Жека, имеешь что-то против нас? – нахмурился Сашка.

– Против вас лично, ничего. Но понимаете... – Жека задумался, не зная, как проще высказать друзьям свою мысль.

За прошедшие четыре года он порядком подустал жить в тени своего командира. Ни для кого не составляло секрета, что не будь Рэма, именно Жека занял бы его место, получил бы злату медаль...

Скорее всего, подобное ожидает его и в части, если он станет служить там вместе с Рэмом. В таком случае он всегда будет только вторым и в очереди на получение вышестоящей должности. Сашу Григорьева он в расчет не брал. У Григорьева имелись такие связи, что Сашка в любом случае своего не упустит...

– Думаю, что для меня будет лучше. Я хочу испытать свои силы, ни на кого не оглядываясь...

Остальное, что Жека прямо не высказал, хорошо читалось в его глазах, и Рэм прекрасно все понял.

– Каждый имеет право на выбор. У нас остается Миша. С ним как раз все выйдет тяжелее, – он кинул на друга вопросительный взгляд. – Да, Миша?

– А, гм, что я? – Спивак неопределенно пожал плечами.

– А, гм, что ты? – Рэм не удержался и передразнил его. – Что ты, Миша, сможешь предьявить в качестве своего козырного туза? Молчишь, не знаешь, что сказать...

Единственным критерием оценки выступит диплом, обычный, «синенький». Встречают у них, как оно водится, по одежке. Потом уже по уму провожают, если таковой еще окажется в наличии...

– Ты, Саша, пойми без обид... – Рэм посмотрел на Григорьева. – Если станет вопрос о том, с кем мне пойти дальше – с тобой или со Спиваком – я выберу Мишу. Ты считай, что едешь к себе на вторую родину. Ты и один не пропадешь. А мы с Михаилом с первого дня все четыре года вместе небо коптим. Ты извини меня, Саша, я его одного не брошу, – Валишев ободряюще подмигнул совсем, было, приунывшему Спиваку. – Вдвоем всегда легче, чем одному...

Взмахнув рукой, он улыбнулся. Ну, а если получится втроем, значит, так тому и быть...

Отставив в сторону все свои остальные дела, Баталов обложил переговорный пункт и приступил к долговременной осаде. По его просьбе девушка набирала один номер телефона за другим. Нигде его жены не наблюдалось. Домашний телефон не отвечал. Как ни хотелось ему, снова пришлось звонить на квартиру Наташи.

– Это, Славка, опять тебя, – ухмыльнулась хозяйка, услышав характерные трели вызова с междугородней станции, и не подошла и не подняла трубку.

Состряпав недовольную рожицу, гостья ответила:

– Алло, я слушаю...

У Костика, словно гора упала с плеч.

– Мира, выслушай меня...

За прошедшие сутки он многое успел передумать. Если бы не незримая поддержка Мартова, то еще на втором курсе его, скорее всего, с треском «прокатали» бы на очередных выборах.

Лишь благодаря сверхактивной позиции замполита дивизиона его снова избрали в комитет ВЛКСМ дивизиона. Со скрипом...

Полученной золотой медалью он целиком и полностью обязан не своим личным знаниям, а тому положению, что он занимал. Одно неизменно тянуло за собой другое. Оборвись одно звено, вся его цепочка удач мгновенно рассыпалась бы. Непременно...

– Я слушаю тебя, Баталов, – вкрадчиво промурлыкала Славка. – Давай, кайся!

На лице Костика проступили капельки пота. Не ведая того, что знает его жена, не видя ее глаз, он совершенно терялся.

– Ты понимаешь, мои друзья...

Терпеливо выслушав нелепое нагромождение оправдательных несуразиц, девушка покачала головой:

– Баталов, не ври! Не унижайся! Наберись, хоть раз в жизни, мужеской смелости и выложи мне все начистоту! Облегчи душу!

– Мира, я...

Теперь он совершенно не знал, что сказать. Если жена в курсе всего, что вполне возможно, судя по тому, что она находится у Наташи, то его дела плохи. С другой стороны, если бы Мира все про их связь прознала бы, то, вряд ли, осталась бы у Наты ночевать. Нет, он окончательно запутался. А кругом одни волчьи капканы...

– Ты чего замолчал, Баталов?

Боясь, что жена бросит трубку, Костик бухнул:

– Я каюсь!

– В чем?

Тяжело вздыхая, парень моргнул:

– Во всем!

– Баталов, это не ответ. Ты излагай мне конкретно!

Холодные капли пота стекали по спине, но Костик этого пока не замечал, продолжал юлить и выкручиваться:

– Я виноват перед тобой!

По лицу Славки ползла улыбка, полная едкого сарказма:

– Я в этом не сомневаюсь...

Наблюдавшая за нею хозяйка сохраняла ироничное молчание.

– Ладно, Баталов. Делай мне вызов. Приеду к тебе, обо всем поговорим. О тебе, обо мне и о Наташе...

Опустив трубку, Славка мстительно усмехнулась. Пусть муж помучится. Висящее Дамокловым мечом не проходящее чувство вины всемерно способствует укреплению семейных уз.

Она ему не простила, нет. Она оставила себе шанс на то, чтобы без всяких осложнений поехать в заграницу. Только и всего. А там они будут на все еще внимательно и тщательно посмотреть...

Молодые лейтенанты оглянулись, посмотрели друг на друга. Интересный, все-таки, вокзал в Бресте.

Два зала ожидания. Один зал – для простых людей, а другой – терминал для интуристов. Для «белых» людей и для «черных».

С подобной постановкой вопроса друзья столкнулись впервые. Чудно казалось им и то, что и перронов существовало-то два.

На одном уложили рельсы с широкой колеей, а на другом – с узкой, европейской. Почему-то у них в стране все оказывается совсем не так, как у всех людей, ну, у ближайших соседей. Такой, на первый взгляд, простой вопрос, как ширина железнодорожной колеи, и то не смогли согласовать со всем оставшимся миром.

Хотя, бытовало мнение, что в данном вопросе они обогнали планету всю, приняв за стандарт 1520 мм, вместо 1435 мм, как в старушке Европе. Там, не мудрствуя лукаво, взяли ширину колеи повозок, изготавливавшихся еще в Древнем Риме. А их родная колея, по мнению специалистов, намного устойчивее и перспективнее.

Если поезд шел проходящий, то прибывал он на один перрон, например, с широкой колеей, а убывал с другого. Пока пассажиры пару часов гуляли на свежем воздухе, подкреплялись в ресторане, состав целиком отгоняли в депо, меняли колесные пары у всех спальных вагонов. Кое-кто перемен не замечал, если ни сном и ни духом не знал про то и не ведал.

Таможня... У простого советского человека одно это слово мгновенно вызывало почтительный и трепетный страх, временами и местами доходящий буквально до обморочного ужаса. Жуткое чувство. Если у них что найдут запретное, и их не пропустят!!!

Упаси Боже, ежели везут они с собой нечто лишнее или, хуже того, неразрешенное. Новички лихорадочно проверяются, раз за разом пересчитывают свои денежки. А что, собственно, их считать?

К провозу разрешены тридцать рублей и ни копейкой больше. Три красные купюры по десять рубликов, три советских червонца. Предпочтительно, чтоб новенькие, хрустящие в руках.

Советская валюта. Рубли вскорости предполагается обменять на денежные знаки страны пребывания.

Что еще? Ах да! По три бутылки водки на брата. Больше никак нельзя. И никаких скоропортящихся продуктов. От тихого кошмара голова идет кругом. Но волнуются в основном лица гражданские.

Молодые офицеры спокойны. У них, кроме военной формы, в чемоданах практически ничего нет. Если только, может, водки чуть больше, чем положено. Но это не страшно. Если что, они излишек сразу на месте проверки уничтожат. Не пропадать же зря добро.

Объявили посадку на поезд Брест-Франкфурт. Именно тот самый Франкфурт, что стоит на Одере. Вообще-то, их два. Есть еще один – на Майне. Но им пока туда не надо. Там, к сожалению, живут другие немцы, западные. Народ один, а страны – две...

Едва голос по радио умолк, и тут же перед столами, возле которых застыли неприступного вида таможенники, выстроились длинные извивающиеся очереди.

Несговорчивые стражи все чемоданы и сумки без исключения подряд открывают, вещи перебирают, досконально просматривают, тщательно перетряхивают. Одних уже просят на личный досмотр.

Вот мужчину под руки повели люди в штатском. По их бравому виду и по молодцеватой выправке явно и издали заметно, что принадлежат они, скорее всего, к одной небезызвестной службе.

Молодежь пыталась просунуться к столам, но их команду все время просят немного обождать и не лезть в общую очередь. До отправления остается всего тридцать минут, двадцать пять...

Лейтенанты начинают недоуменно переглядываться: когда же до них очередь дойдет? Уж, наверняка, поезд ждать их не станет.

Там не матушка-Россия, как-никак поедут по Европе. А в ней, в Старушке, в отличие от родной сторонки не очень любят бардака.

Вспомнили и про них! Один проход освободили, и старший таможенник дал команду их чересчур многочисленной группе.

Строгая девушка в форме у стола жестами показывала им, что огромные и битком набитые чемоданы открывать не стоит, возни с ними – за день не обернуться! Одни декларации их ей и нужны.

Беглый просмотр листка бумаги, одним давно отработанным движением руки – оттиск печати. Следующий! Быстрее, быстрее! Вперед, не задерживать остальных. Цепкий взгляд пограничника на паспорт, а потом и на оригинал. Шлеп! Штамп в паспорте: «Выехал из СССР такого-то...». Все! Следующий! Следующий!

И все? Пять минут прошло, и лейтенанты дружно стоят все на заграничном перроне. И Таможня, и Граница пройдены.

Тут выясняется, что на них на всех дали места в одном вагоне. Их-то – сто двадцать с копейками, а мест – всего восемьдесят и одно. И то, если посчитать плацкартный вагон за общий. Вот дают прикурить огонька! По их, по-военному.

Дежурный помощник военного коменданта по воинским перевозкам не смог придумать ничего лучшего, как всунуть всю их многочисленную команду всего в один вагон. Жаловаться ребята, подумалось помощнику, когда он отдавал билеты в руки Баталову, не будут. Завтра они разлетятся по самым разным концам Польши и Германии. Подобный трюк проделывался им не в первый раз.

Обстановка резко накалялась, народ весь недовольно загудел. Предвидя, что вот-вот может начаться хаос, когда шумная толпа примется с боем отвоевывать для себя пока еще вакантные места, которых на всех явно не хватит, Рэм болезненно поморщился.

Понял лейтенант, что вмешаться в их организацию ему все-таки придется. Подхватив с собой Сашку, он подошел к перепуганной не на шутку проводнице и попросил ее закрыть дверь вагона.

– Так надо, девушка, поверьте мне...

Недовольный гул усилился. Но бывшего старшего сержанта они знали, знали неплохо, а потому все ж прислушались к тому, что он им говорил. Своими четкими, резкими, короткими командами, подкрепленными язвительными словечками из нетрадиционного лексикона, Рэм быстро привел всех в чувство.

– Отставить балаган, босота с Пересыпи! Слушай меня сюда...

Помутневшие от изрядного количества употребленного внутрь, глаза у абсолютного большинства чутко просветлели, на угрюмо сжатых губах заиграли ухмыляющиеся улыбки. Проняло...

Еще пару минут назад абсолютно неуправляемая толпа на глазах деформировалась, со скрипом перестроилась, как когда-то учили, побатарейно и спокойно, без всякого шума пересчиталась.

Распределили имеющиеся места. Каждой батарее отдали по два купе с прилегающими к ним боковушками, а последнее девятое купе выделили под весь оставшийся сборняк. Назначенные старшие быстренько раскидали подотчетный народ на указанные места.

Совсем другое дело. Тут и двери пора открывать. Осталось времени на все и про все минут семь. Маловато. Да им, в общем-то, и не привыкать к скоростным загрузкам подобного рода. Если вспомнить, как грузились в вагоны на стрельбах...

– Ловко ты их, однако, – вскользь заметил Сашка. – Как будто всю жизнь рассадкой по вагонам занимался.

– Понимаешь, главное в этом деле... все треба делать вовремя, – ответил ему Рэм, облегченно вздыхая и переводя дух. – Если бы наши архаровцы успели зайти в вагон, то мы и до самой Варшавы не смогли бы рассестись...

Скорее всего, они вообще бы не успели осуществить посадку. Узкий проход застыл бы, и все. «Пиши: пропало...».

– Ты же сам видел, сколько человек в приличном подпитии. В тесноте с ними труднее воевать...

И еще он добавил, что на свободном пространстве они еще кое-как управляются, что-то и где-то помнят смутное о дисциплине, о других товарищах. А в тесноте вагона их внутреннее «Я» вмиг пересиливает все остальные чувства. Пока они еще чувствуют себя одной единой командой, с ними легче справляться.

– Ты, Рэм, сильно строго их судишь, – Григорьев с сомнением качнул головой. – Я думаю, все они крепко осознали, что выросли из курсантских погон.

– Ты так считаешь? – иронично улыбнулся Рэм. – А ты видел на вокзале двух танкистов? Они в Бресте пятый день. Из кабаков не могут вылезть. Опоздали, видно, к назначенному сроку прибытия. Теперь боятся ехать и заливают свой страх вином. Наверное, из тех, кто добирается до места службы поодиночке. Личную свободу-то герои сразу почувствовали, а самостоятельности, к сожалению, и ответственности пока еще никакой. Одним словом, пацаны...

За один миг свое привыкшее к постоянному контролю сознание не переделать, на все нужно определенное время, ну и... мозги...

3

Дали команду на отправление. Толчок, пассажирский поезд, набирая ход, покатился вперед. Мелькнул перед глазами русский пограничный столбик, а следом вырос польский. Чуть проехали, остановка. В проходе появились поляки в форменной одежде. Увиденное ими столпотворение, наверняка, их потрясло. А может, они давно привыкли к подобной давке. Поляки-пограничники махнули на них рукой и не захотели проверять их вагон.

А хотя, зачем им, полякам, тут «париться»? С одной стороны их страну надежно охраняют советские пограничники, а с другой стороны – не менее добросовестные немцы. Когда обе границы на замке, польский пограничник может спокойно отдыхать.

После Варшавы чуть полегчало. Сорок человек от их группы отделились и остались служить в самой Польше. На следующее утро подъехали они к Франкфурту. Там их поджидали автобусы.

Одна нарисовалась проблема: как умудриться и дотащить свои неподъемные вещи. Пришлось им на время зафрахтовать почтовую тележку, сиротливо приткнувшуюся в начале перрона.

– Загружай, братцы! Поехали!..

Прохлопавший само отправление тачки не совсем по своему назначению, немец долго бежал за ней, истошно кричал. Но потом он, видать, скумекал, что с веселыми русскими парнями, в ответ упорно сующими ему в руки бутылку «Столичной», по этому поводу разговаривать бесполезно. Махнув рукой, немец отстал.

Возможно, он вошел в их тяжелое положение. Может быть, его удовлетворила удвоенная плата за фрахт. Тележку, конечно, назад вернули в сопровождении, кто бы мог из них подумать, самого настоящего военного патруля, причем, в советской форме.

Просвещенный заранее по всем мелким бытовым вопросам, Сашка успел доверительно шепнуть Рэму на ухо:

– Слушай, нам бы не мешало тут махнуть наши червонцы на немецкие марки. В части поменять их будет несколько труднее.

– Ты так думаешь? – Валишев слегка прищурился.

Мысль здравая сия, надо сказать, вовремя озвученная, и Рэма сильно заинтриговала. И с небольшой суммой денег в кармане все едино чувствует себя человек совсем другим, уверенным в себе.

– И где, Саша, можно сие повернуть? – живо спросил он.

И в один миг, мелькнуло веселой искоркой в его глазах, стать счастливым обладателем энной суммы иностранных денег.

– Мне говорили, что сразу за углом есть банк, в котором обмен производят без всяких проблем.

Небольшая очередь у круглого окошечка, созданная, кстати, исключительно столь же сметливыми их товарищами. Паспорт. Декларация. Три красных десятки. Штамп в декларацию, и у них на руках девяносто шесть марок. Исходя из суммы, соответственно и весь курс обмена двух иностранных валют.

Маленькие автобусы, ничем не похожие ни на что виденное офицерами ранее, ибо простенькие на вид транспортные средства изготовлялись по спецзаказу для военных на шасси ЗИЛ-130, доставили всех на место, прозванное кем-то Пересылкой.

По аналогии с «зоной», что ли, назвал так перевалочный пункт оставшийся в истории безымянным остряк-самоучка. На тюремной пересылке сходились арестантские этапы, где зеки какое-то время отсиживались, перемешивались с другими, сортировались, а потом шли

по новым этапам. И здесь, на сборном пункте, собирались все военнослужащие, кто мощным потоком прибывал в ГСВГ – Группу советских войск в Германии.

Пристроив вещи, Сашка смело пошел на разведку и вернулся из глубокого оперативного поиска довольно скоро.

– На меня распоряжение у них есть, – пряча улыбку, доложил он. – В нем указано, чтобы лейтенанта Григорьева А. В. направить прямым ходом в двадцатую танковую армию. Без дополнительных вопросов и каверзных проволочек.

– С вами все ясно. Кто бы еще в том сомневался, – лукаво прищурился Рэм, глядя на него. – Значит, твой отец все пробил. Кстати, Саша, куда он поехал после Академии Генштаба?

– Начальником штаба артиллерийского корпуса в Кияхте, – скромно потупив глаза, ответил Сашка.

Старался, однако, молодой человек особо не афишировать свое генеральское происхождение.

– В тот, что стоит в Забайкалье? – спросил его Рэм. – А твоя мама? Осталась жить в Москве или она вернулась в Запорожье?

Что ей, доктору наук, думалось ему, делать в провинциальном городке одной, без мужа... Конечно же, интеллигентная женщина задержалась в Москве, живет у Ершова, отставного генерала...

– Нет, мама сразу поехала с отцом. Она не оставляет папу одного. Никогда и нигде. Мои родители, – Сашка тепло улыбнулся, – всегда идут по жизни вместе.

– Да ну? – Рэм удивленно хлопнул ресницами. – Доктор наук, профессор и в степную глушь?

Хотя, пришло к нему понимание, что тут удивительного. Куда иголка, туда и нитка. Все, как у нормальных людей.

– А у нас все сложилось не так, – снова боль на мгновение брызнула из его глаз и, затихая, пропала. – Хорошо, а что делать нам, чтобы попасть в двадцатую армию?

Понизив голос, Григорьев прижал палец к губам:

– Надо вам кое-кому здесь отвалить по бутылке с брата. И ваши фамилии попадут в нужный список.

– И сработает? – Рэм, усмехаясь, непонимающе пожал плечами. – Чудеса... Ну, ежели так, какие у нас с вами проблемы...

Плюгавый прапорщик, по сути, маленький винтик, оказавшийся за взятку либо по иронии судьбы на теплом и прибыльном месте, запросто вершил по своему усмотрению сотнями чужих судеб.

В томительном ожидании прошло несколько часов. Их даже слегка покормили в местной столовой обедом, проставив штампы в расчетные книжки. Чтобы потом, упаси Боже, не забыть про факт, имевший место, и вычесть энную сумму из будущей полочки.

– За все надо платить. Бесплатный сыр бывает в мышеловке...

Время от времени один из порученцев выходил, громко на весь огромный зал зачитывал фамилии.

– С вещами на выход...

Счастливики или, может, будущие великомученики, получив документы, убывали группами на вокзалы и ехали, кто куда.

Дошла очередь и до них. Выдали им проездные документы на всех и предписания прибыть в в/ч номер..., расположенную в городе Эберсвальде. Погрузились в снова поджидавшие их зеленые автобусы, и те живо доставили очередную порцию молодых ребят в новенькой лейтенантской форме на железнодорожный вокзал.

– Счастливого пути, удачи всем...

До отправления электрички у них оставалось минут сорок. И, чувствуя острый зуд в ладонях от желания поскорее начать тратить непривычно хрустящие цветные бумажки, они решили заглянуть в привокзальный буфет.

– Ребята! – глаза у Сашки моментально загорелись нездоровым огнем. – Вы, как хотите, а я позволю себе кружечку пивка...

Быть в Германии, четко читалось на его лице, и не попробовать знаменитого немецкого пива – грех, великий грех на душу.

– Саша, – язвительно фыркнул Рэм, – возникает ощущение, что тебя уже сегодня отправляют назад, на Родину...

И потому, как хотелось ему добавить, бравый молодец спешит урвать все от жизни по самой полной программе и сверх того.

– Сашка, гм, предчувствует, как его скоро возьмет в оборот фройляйн, по которой он сохнет втайне от всех, – не преминул усмехнуться и Мишка. – Вот он и желает оторваться наперед.

И тут Рэм искоса кинул быстрый взгляд на Спивака. Мишке-то откуда известно про немецкую девушку? Или Сашка сам сказал...

– Смейтесь же, смейтесь, паяцы, – ядовито зашипел на них Григорьев. – Я на вас посмотрю, как вы будете облизываться, глядя на меня, стоящего с бокалом пенящейся янтарной жидкости в руке.

– Лады, Миша, – хмыкнул Валишев, – нет, не дадим получить оное удовольствие Сашке и возьмем себе по кружечке...

Друзья живехонько пристроились в кильватер к Григорьеву. Чем они хуже, собственно, некоторых...

Ничем. Только некоторые-то разные бывают. Одни пьют пиво на вокзале, другие наслаждаются бархатистым напитком в уютных барах, третьи – в прохладной тиши своих рабочих кабинетов.

– Ты, парень, не тушуйся... – вальяжно развалившись в кресле, дымил гаванской сигарой майор.

К этому часу настроение у кадровика поднялось до отметки «отменное». Незадолго до появления у него высокопоставленного родственничка в его кабинет незаметной серой мышкой, неслышно шурша, просочился один из вновь прибывших из Союза офицеров в новенькой, еще не пообмявшейся форме.

– Лейтенант Шустрик! – доложил невысокий парень с усами.

– Ну и что? – вяло пожались абсолютно безразличные к чужим проблемам вальяжные плечи майора.

Обескураженный сим холодно-неприступным тоном кадровика, Ваня растерянно переминался с ноги на ногу. С момента прибытия их на Пересылку прошло немного времени, а он за парочку пачек американских сигарет умудрился выведать у пробежавшего мимо него сержанта в парадной форме, в каком именно кабинете сидит человек, в цепких руках которого трепыхается его судьба...

– Я хотел бы вручить вам небольшой презент... – с трудом и заикаясь, выдавил из себя проситель, вогнув шею в плечи.

Прищулив левый глаз, Титаренко всячески тянул с ответом. К изъяснениям подобного рода он изрядно привык, знал, что пауза способствует размеру безвозмездного взноса в его пользу.

– Я... мне...

Через пень-колоду Ване все же удалось пояснить, что имеет он самое горячее желание оказаться в той же самой воинской части, что и некий лейтенант Баталов с их училища.

– Не тот ли Баталов, что Константин Григорьевич?

– Он самый, он самый...

С этого момента разговор пошел поживее и поконкретнее. В руках у Шустрика появилась коробка с гаванскими сигарами.

– Пивка с десятков подкинь! – махнул пальцем майор, убирая преподнесенный ему презент в полку стола.

И для несведущих кадровик весьма обстоятельно пояснил, что за углом имеется банчок, где их рубли живо конвертируют в марки.

– Я мигом! – Ванька рванул к двери.

Не оглядываясь, он поспешил по улице вдоль высокого забора. Половину дела, как думалось ему, он успешно провернул. Шустрик не без основания надеялся на то, что Костик в части окажет ему кое-какое содействие по старой дружбе. Водились у них в свое время общие делишки...

С лейтенантом Баталовым майор Титаренко вел себя иначе.

– На тебя, Константин Григорьевич, выписка пришла. Кстати, тобой интересовались оттуда... – направлонец почтительно вытянул указательный палец вверх.

Нервно поживаясь, Баталов молчал, слушал. Не отступающее беспокойство вконец замучило, извело его. Он еле держал себя в руках. Бегающие глаза с головой выдавали его сильное волнение.

– Приказали тебя встретить, разместить по высшему разряду. Завтра за тобой придет машина из части.

Напряжение постепенно отпускало. Баталов потихоньку травил из себя лишний воздух. По всей видимости, Мартов против него пока еще ничего не предпринимал, и все катится по плану.

– В Потсдаме хорошо. И Берлин рядом...

После доброго глотка пива по всему организму расплывалось удовлетворенное умиротворение. Скопившаяся усталость разом утяжелила движения и некоторым образом придала солидности.

– От вас, гм... можно в Союз позвонить? – Баталов освоился должным образом и, превозмогая неуверенность, спросил.

Пожимая плечом, майор покосился на телефон:

– Через нашу связь. Я тебе подскажу позывные операторов...

Отвечали Косте быстро, соединяли оперативно. В их квартире стоял, кроме городского, окружной телефон, поэтому телефонистка тут же набрала четырехзначный номер.

– Алло, я слушаю...

К его удивлению, жена сидела дома и, должно быть, терпеливо ожидала его звонка. Время для изощренных игр в догонялки и коварные недомолвки закончилось. Ей непременно хотелось знать, как на новом месте устроился ее муж.

– Баталов, докладывай... – снисходительно разрешила Славка и внимательно прослушала его ответ.

Пока все шло по разработанному Мартовым плану. По ее лицу загуляла умиротворенно довольная улыбка.

– Я рада за тебя, Баталов, – проворковала она. – Служи. Желаю тебе удачи. Отбой...

Из ванной комнаты донесся шум открываемой двери. Босые ноги прошлепали по покрытому лаком паркету.

– Кто звонил? – спросил крайне заинтересованный голос.

– Кто-кто... Дед Пихто! – весело ухмыльнулась Славка.

К ней вернулось хорошее настроение. Жизнь за кордоном стала осязаемо близка. Прошедшая ночь избавила ее от чувства обиды на измену мужа. Она просто взяла и отомстила

ему. Изменила мужу с другим мужчиной, как посоветовала ей проделать Ната. И теперь у них счет приблизительно равный. До ничейного результата, правда, еще далековато. Да за этим только дело у нее не станет...

С огромным интересом разглядывали лейтенанты чистенькую немецкую электричку, совсем непохожую на родную и привычную, грязную, с выбитыми местами стеклами, с полованными креслами и порезанными спинками. Думали ребята, что доберутся быстро, но ехать до места назначения пришлось им довольно долго.

Прибыли они под самый вечер. Сдали документы дежурному, и потянулось нервное ожидание. Считали, что их мигом соберут и...

Но время за окном припозднилось. Начальство, естественно, разъехалось по домам, возвращаться на службу ради их персон не собиралось. И ожидаемо поступило неожиданное распоряжение ночевать в специально отведенной казарме и всем подготовить парадную форму. На десять часов утра запланировали встречу с начальником штаба армии и другими высокими должностными лицами. Обещал свое присутствие и командующий РВиА. По их, артиллеристов, душу пройдет. Что им день грядущий принесет? Томительная и волнительная неизвестность...

Высокая аудиенция, просто на удивление, началась ровно в назначенный час. Представительного вида генерал с двумя шитыми золотыми нитками звездами на погонах со змейкой минут тридцать напыщенно произносил перед ними высокопарные слова об их священном долге. Велеречиво твердил он о том, что им, молодым, следует с самого начала взяться за службу самым добросовестным образом. И так далее, и тому подобное...

На этот раз водка не пригодилась. 25-я танковая дивизия, куда друзья стремились, во что бы то ни стало, попасть, имела, кроме шутивого прозвища Чапаевская, еще одно название – Лесная.

Соединение почти полностью расквартировали в местах, самых удаленных от крупных центров. Зная про то заранее, никто из молодых выпускников ехать в глушь добровольно не стремился.

Но это, в конце концов, являлось делом личного выбора каждого в отдельности. А они втроем сами напросились и изъявили желание попасть именно в Лесную дивизию.

Ушлые кадровики, тишком ухмыляясь, хитро переглянулись, но останавливать их не стали. Выдали предписания, махнули ручкой...

Следующий пункт назначения – Темплин. Снова электричка. И опять ночевка в общей казарме, правда, заметно попроще.

Здесь разговор с ними пошел поконкретнее. Лейтенантов сразу раздели на группы по военно-учетным специальностям.

Всех артиллеристов собрали в отдельной комнате. И там ими вплотную занялись офицеры из штаба РВиА дивизии.

С Григорьевым разобрались быстро, его давно поджидали.

– Лейтенант Григорьев среди вас есть? Что, есть такой, да? Александр Владимирович? Ну, наконец-то, прибыли, – старший лейтенант-кадровик с телефонограммой в одной руке и с тисненой золотом красной папкой «На подпись» в другой с облегчением вздохнул. – А то все звонят и спрашивают про вас...

Начался обстоятельный опрос всех оставшихся. Какие училища и как окончили? Куда пожелали бы попасть служить?

Ясное дело, как дважды два – четыре, что все хотели служить именно в артиллерийском полку. Там они сами себе хозяева.

А в танковом или мотострелковом полках артиллеристы всегда находятся в роли самых бедных родственников. Все наряды и все хозяйственные работы вешают, что стало правилом, именно на них.

А чуть что и проверка, то бегут к ним с призывом о помощи. Дела у пехоты или танкистов так плохи, что без хорошей стрельбы артиллеристов полку «вырисовывается» общая двойка. И самое интересное заключалось в том, что заниматься им толком не дают, а положительный результат вынь да положи. Прописная истина.

Что делать? Извечный русский вопрос. Но тут выход находится легко и просто. Все напишут летучку. Ее результаты покажут, кто из них на данный момент является более достойным кандидатом.

– Това`ищи лейтенанты, п`ойдите в учебный класс. Сейчас мы с вами сыг`аем-с в лоте`ю, – пошутил майор.

Однако кое-кому оказалось вовсе не до ехидных шуточек.

– Вы все быст`енько письменно ответите на несколько совсем несложных воп`осиков...

Тщедушного вида майор мило выставил вперед успокаивающие ладони, мол, ничего не значащий пустячок. Конечно, для кого как.

– И в зависимости от полученных `езультатов п`одолжим нашу занимательную беседу.

«Мушкетеры» сгруппировались, переглянулись и сели рядом, за одним столом. Просмотрели вопросы и снова переглянулись.

Порядок отдачи распоряжения на занятие огневой позиции? Так они запросто. Решить прямую геодезическую задачу? Тоже не очень-то сложно. Могут они с ходу и обратную задачку щелкнуть. Посчитать корректуру, провести пристрелку? Нет проблем! Десять-пятнадцать минут, и все у них готово. А у других дела обстояли явно похуже. Для некоторых вопросы стали камнем преткновения.

Таким образом, искомая тройка, вернее, еще два счастливчика определились довольно быстро. Своей цели ребята добились. Через час им выдали на руки предписания. Поставили своевременно в известность о том, что после обеда, ближе к вечеру, в полк пойдет машина. А пока им предложили чуток обождать. Порекомендовали прогуляться, бегло ознакомиться с военным городком.

– Будто, гм, в тайге живут... – буркнул Мишка.

И только глядя на месте своими глазами, офицеры начинали понимать, почему их танковую дивизию прозвали Лесной.

Небольшое немецкое поселение Темплин, затерянное среди лесов на севере Германии. Глухое местечко. С внешним миром его связывала электричка, ходящая с интервалом в пять-шесть часов.

А от самой станции до военного городка набиралось больше десяти километров. Захочется кому-то куда лишний раз выбраться, так сначала еще сто раз задумается, а стоит ли, вообще-то, ехать.

На территории военного городка кучно расположились штаб дивизии, два танковых полка и еще кое-какие части и отдельные подразделения. А сразу за забором простирался полигон. Кому-то повезло, так повезло. Счастья оптом привалило – девать некуда.

Одно название, что служат в загранице. У них и в самом Союзе схожих безвылазных дыр понатыкано валом.

Стоило в этакую даль ехать за подобным счастьем. Впрочем, для многих офицеров двойной оклад ставился превыше всего...

Оторвавшись от своих друзей, Рэм медленно брел по сосновому бору. Почти такие же красавицы росли и у него дома. А на Украине он подобного нигде и ничего не наблюдал.

Пока, подняв голову вверх, лейтенант вглядывался в верхушки высоких стройных деревьев, снова догнала его, накатила, навалила на плечи жестокая тоска.

В душу парня незаметно вкралась гложущая неуверенность, стало крайне неудобно. Напряжение, крепко державшее его в своих железных руках в течение последних дней, спало. И на передний план опять начали выплывать не дающие покоя гнетущие мысли.

– Что, – Рэм беззвучно задвигал ироничными губами, – сбылась мечта одного идиота? И что дальше?..

Зачем он приехал? Зачем? Разве стоит все это того, что имелось у него и что он в один миг потерял? Карьера? Зачем ему карьера?

Давно знает и прекрасно понимает, что большим начальником он никогда не станет. К этому он и не стремится. Власть ради самой власти ему непотребна. Ему больше всего нравится само парящее состояние ощущения радости, гордости за конечный итог своей работы. Быстро и четко выполнить любую поставленную перед ним огневую задачу или, к примеру, решить особо сложную проблему.

Одним словом, ему нравится живая работа, когда все крутится, вертится, каждый занят своим делом на своем конкретном месте. И от умения и профессионализма каждого в отдельности зависит весь успех в целом.

– Но ты же этого сам сильно хотел...

Чтобы отогнать от себя тяготящие мысли, он потрянул головой. Отчего ноет в груди? Наверное, от сознания того, что он что-то творит не так. Или от предчувствия чего-то нехорошего? Или же это просто понятный страх перед неизвестным и еще непонятным?

Рэм оглянулся на своих друзей, отставших и что-то довольно оживленно обсуждавших. Им-то что. Они рады, добились своего. А вот он радости в себе не испытывает. Зачем он поехал в Германию, где Ее никогда не увидит, зачем? А без Нее все, вся дальнейшая жизнь, все банально теряло всяческий смысл...

Друг Сашка мельком ухватил его растерянный взгляд, когда Рэм остановился, медленно повернулся к ним лицом и, не замечая приближающихся к нему товарищей, смотрел сквозь них вдаль.

– Миша, наш Старшой опять загрустил. Еще десять минут назад казался весел, бодр, шуточками сорил налево и направо. Я грешным делом понадеялся, что он навсегда излечился от своей тоски. Но, видно, глубоко ошибался. Кидает его, бедолагу, как на волнах. То вверх, то вниз. Настроение у него меняется на глазах.

– Саша, гм, – Мишка, прищурившись, пристально смотрел на своего бывшего командира – кто еще, как ни Спивак, лучше всего знал душу Рэма, – он не замечает нас сейчас, и стал на время самым собой, сбросив с себя защитную маску.

Поняли они, что их страдающий друг создает перед ними вид, что все хорошо. А у самого на душе кошки скребут.

– Видно, так скребут окаянные котяры, что...

Два друга подошли к нему почти вплотную, и лишь только тогда Рэм очнулся, виновато и неуверенно улыбнулся:

– Вспомнился дом, и я на время забыл о том, где я и зачем тут нахожусь, у черта на куличках, посреди ржавого болотца...

Если у них управление, подумалось ему, находится в дикой глухомани, то, интересно, в какой непролазной дыре размещены другие полки и, в частности, их арtpолк.

– Я слышал, что до полка надо еще восемьдесят километров «пилить». Закинут нас в совсем непролазную глушь. Думаю, Миша, твоя Маринка окажется не в особом восторге и убежит от тебя, от Лешего лесного, на следующий же день, первым же трамваем...

Как только женщина, проскользнуло в уме юркой змейкой, про все обстоятельно прознает, так она шустро и завернет свои лыжи в обратную сторону, махнув им всем на прощание изящной ручкой.

– Разочарование в твоём выборе у неё наступит быстро. Саша, я, знаешь, не понимаю, ты извини меня, совсем не понимаю. Что есть хорошего в безнадежно безвылазном прозябании?

– Ты неправ, – Сашка в отличие от Рэма имел иное мнение. – Ребята, наш артполк стоит в очень хорошем месте. Когда приедем туда, то сами все своими глазами увидите.

– Лады, не будим спорить. Тебе лучше знать, – вполне резонно ответил Рэм. – Твой отец там служил...

Офицеры вернулись к стоянке. Чуть погодя подошел бортовой ЗИЛ. Из кабины вылез старший машины и громко окликнул их.

Выяснилось, что прибыл начпрод с их полка, что с минуты на минуту они отправляются назад в часть. Его специально направили к штабу, чтобы он забрал с собой по пути молодое пополнение офицерских кадров. Вакантные места, естественно, находились в кузове. Но им к эконом-классу и не требовалось привыкать.

– К машине! По местам! – шутки ради скомандовал Григорьев товарищам и сам себе. – Заводи!

Ехали довольно быстро, но все равно дорога заняла около двух часов. Доставили прямо к штабу полка. И тут их ждали, несмотря на то, что наступил вечер и не просто, а субботний.

Как от изрядно надоевшей назойливой мухи, командир полка отмахнулся от установленного уставом порядка представления и пригласил их к себе в кабинет. Он, замполит и начальник штаба.

И их трое. Как в карточной игре, три на три. Правда, силы за столом явно неравные. Да и игра пойдет у них не на очки...

Притихшие лейтенанты напряглись и приготовились. Сейчас начнется. Побегут одна за другой и без особого перехода беседа ознакомительная, следом беседа воспитательная...

Заодно и предупредительная, с многозначительными намеками и назидательным постукиванием ладонью по столу.

Но тут они ошиблись. К их немалому удивлению, командир полка нисколько не собирався их страшать и запугивать.

– Поступим следующим образом. Лейтенант Григорьев пойдет у нас в батарею управления, во взвод оптической разведки полка, – подполковник Климов остановился и на минуту призадумался. – И у нас остались в полку всего лишь два ваканта. Место командира огневого взвода в реактивном дивизионе и место командира взвода управления в самоходном дивизионе. Мы просили сумчанина. Но раз не вышло, то один из вас пойдет в самоходный дивизион. Вы у себя в училище самоходки видели?

– Никак нет, товарищ подполковник, – честно ответил за всех Рэм. – Было всего две пары ознакомительных занятий по плакату. И все... – он смущенно вздохнул.

– Дела еще те... – подняв голову, озабочено произнес, услышав доклад из уст прибывших, начальник штаба полка подполковник Двуреченский. – Я же просил у них, настоятельно просил прислать нам в этом году сумчан...

Понятное дело. В Сумах как раз имелся нужный самоходный профиль. Готовят целенаправленно у них специалистов...

– Что будем делать? Как вас распределить? Может, вы сами жребий кинете и дело с концом? – начштаба скупно усмехнулся и окинул молодых офицеров внимательным взглядом.

– А мы спросим их, как они окончили училище, – вступил в дело майор Наумов, долговязый, едва ноги вмещаются под столом.

А кому же еще, спрашивается, в столь трудную минуту подать дельный совет. Замполиты у них всегда знают, что делать в данной конкретной обстановке. У замполитов на каждый конкретный случай всегда имеется свой подходящий критерий оценки.

Малость смущенный, Спивак, краснея, глухо ответил. И Рэм тоже сказал. И что дальше? По идее, право выбора принадлежит Рэму. Ему и банк срывать...

– Разрешите, товарищ подполковник, – негромко произнес он, – мне пойти в самоходный дивизион.

Замполит удивленно посмотрел на него. Может быть, парень их неправильно понял? Никак не улавливает существенной разницы между самоходками и буксируемыми орудиями? А то, зачем бы он добровольно совал свою голову в петлю? Ищет себе на одно место приключений или у него с головенкой не все в порядке?

– Ну-с, товарищ лейтенант, поясните нам свое решение...

И пусть, легко читалось в его пытливых глазах, доложит им с детальным обоснованием по каждому пункту.

– Я считаю, что лейтенанту Спиваку целесообразнее служить там, где он будет чувствовать себя намного увереннее. А я там, где останется мне место, – Рэм, несколько смущаясь, улыбнулся. – Мы хорошо знали, куда едем. Самоходный полк...

И в Африке, и в Германии, скупой улыбкой скользнуло по его губам, все тот же самоходный полк. На гусеницах. По пояс – танки, а выше ходовой части – орудия.

– А что? Правильно, – кажется, начальнику штаба понравилось то, что друзья не устроили спор между собой, сами разрешили непростой вопрос. – Мы и посмотрим на деле, дутая у тебя медаль или нет. Кто у тебя, Валишев, родители?

– Рабочие... – лейтенант пожал плечами. – Простые люди...

Чуть растянулись его губы в тонкой усмешке. Вообще-то, Рэм хорошо понимал, откуда растут ноги у вопроса. Опасаются слегка, нет ли у него где-то в верхах «мохнатой лапы»...

– Понятно, ребята, – командир решил закончить разговор. – Сегодня уже поздно для того, чтобы что-то решать. А завтра – воскресенье, выходной. Сам Бог велел всем отдыхать. Представим вас вашим командирам в понедельник утром на разводе на занятия. Сдавайте свои документы. Сейчас подойдет зам по тылу и подыщет вам на первое время жилье. Для холостых и неженатых офицеров и прапорщиков есть отдельное общежитие. Григорьев – в общагу. А вам, ребята... – он кивнул на Рэма и Мишку. – Вам что-нибудь подберут во втором ДОСе – в доме для офицерского состава...

В отделе кадров, выяснив их семейное положение, взялись за оформление вызова Маринке. А Рэм неопределенно пожал плечами и отрицательно покачал в ответ головой. Его жене в ближайшее время вызов не понадобится. Она учится, работает. Смысла нет. Об остальном он умолчал. Зачем распространяться о своем личном.

Вышли на улицу. Спивак хотел сказать, но Рэм его опередил, положил руку на плечо друга:

– Ты, Миша, из-за меня сильно не переживай...

И пояснил он, чем труднее, тем для него даже лучше. Меньше останется времени на разные глупости. А все новое и неизвестное его лишь привлекает. Тем более что во взводе управления работы, как таковой, должно быть меньше. Так что, еще совсем неизвестно, кому из них больше повезло. А везет тем, кто везет...

– Зато за тебя я буду спокоен. Там, по крайней мере, ты будешь в своей тарелке. В том дивизионе много наших выпускников. Они на первых порах тебе помогут во всем...

Не прошло и получаса, как Мишку вызвал к себе командир реактивного дивизиона подполковник Рыбак. Рэм остался один. И так, уже с полной уверенностью он мог констатировать тот факт, что встретили их довольно тепло и гостеприимно. Отрадно...

4

Добро пожаловать в 843-й Варшавский, орденов Суворова и А. Невского, гвардейский самоходно-артиллерийский полк.

Полк сам по себе хороший. В почете у начальства. Находится в зените славы. Несколько итоговых проверок сданы на «хорошо».

Гордость полка – реактивный и второй самоходный дивизионы постоянно, год за годом, активно принимают участие в состязаниях, проводимых в Группе войск, и занимают первые и призовые места.

Боевая подготовка в арtpолку поставлена во главу угла всей жизнедеятельности части. Занятия превыше всего...

Вот оно перед ним все, что он хотел. Живи, служи и радуйся. Но чего-то ему все равно не хватает для полного счастья.

Ну да, он-то хорошо знает, чего именно ему сейчас не хватает. Но этого у него, увы, никогда не будет. Жаль. Очень жаль.

И все сразу теряет смысл. Зачем ему все это, если нет одного, но самого главного в его жизни? Если рядом с ним нет Ее...

Поморщившись, Рэм тряхнул головой. Если постоянно думать об одном, то можно запросто сойти с ума. Надо постараться забыть, забыть про все, что осталось там. Забыть, забыть...

Подошел сильно озабоченный Михаил.

– КД, гм, зовет нас с тобой к себе в гости, – его неуверенный и слегка растерянный взгляд говорил о том, что друг не в состоянии определиться с тем, как к последовавшему приглашению отнестись. – Не знаю даже...

– КД... это кто? – Рэм не сразу понял, о ком идет речь. – Ах да, ясно. Твой командир дивизиона. Раз зовет, Миша, то, конечно, надо идти. Поближе познакомишься со своим начальством. Все равно тебе рано или поздно придется проставляться за новое назначение. Засчитают тебе, что ты начал проставление, – он похлопал друга по плечу, желая того слегка подбодрить.

Подполковник Рыбак временно холостяковал – жена отдыхала в Союзе. И от него самого, наверное, женщина всю передыхала. Такого мужика-фанфарона долго рядом с собой не вытерпеть.

Хотя, кто его знает, кто в их доме настоящий хозяин...

Бывает, на работе мужик – лютый зверь, а дома у себя – тихий дамский подкаблучник. Случается подобная метаморфоза нередко. И чем меньше считается с ним его жена, тем больше уязвленный муж старается самоутвердиться на работе, гнет подчиненных...

Радужный хозяин с большим удовольствием пил выставленную на стол дармовую русскую водку, привезенную с собой молодыми офицерами. Много, охотно философствовал, превозносил до небес свои личные заслуги, поучал лейтенантов, как надо жить...

– Учитесь, я го`ю... – указательный палец его порос вверх.

Вместо «я говорю» у подполковника выходило скомканное и оттого с непривычки смешное «я го`ю».

– Я го`ю, сегодня добрый, вы у меня в гостях. Но завтра, я го`ю, за все с вас строго спрошу. И за это, я го`ю, тоже, – Рыбак недвусмысленно показал на быстро опустевшие бутылки. – У меня, я го`ю, на службе ни-ни...

У Рэма весь разговор оставил двоякое впечатление. Амбиции у человека, пригласившего их в гости, перехлестывали через край. Но как, на самом деле, все обстояло с его личными способностями?

Если руководимый им дивизион побеждает на состязаниях, то чья в том заслуга? Его или начальника штаба? Или есть еще кто-то третий, о ком они еще не ведают? Трудно сказать, ничего не зная.

Время скоро покажет, оно расставит все по своим местам...

А пока все по местам расставляли телефонные звонки и устные директивы свыше. Правда, их жизнь без накладок – разве жизнь...

Произошла неувязка. Случайная и досадная. Место, на которое приехал Баталов, оказывается, еще не успели освободить.

Так сказать, по техническим причинам. Не нашли, куда убрать человека, что сидел на должности комсомольца полка. Документы в штабах забуксовали, и должностная цепочка безнадежно застряла.

– Не беда! – панибратски хлопнул по плечу прибывшего лейтенанта комполка подполковник Ильин. – Через месяц-другой нарыв сей гноя рассосется. – А пока принимай взвод...

– Противотанковый взвод в третьем батальоне, – замполит полка явно оказался не в восторге от самой идеи и кисло морщился.

Не без основания он считал приключившийся казус упущением по своей линии работы. Не доглядел он, не досмотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.